

Александр КОЙФМАН

ГДЕ ДОМ ТВОЙ, КИЛЛЕР?

Александр Койфман
Где дом твой, киллер?

ООО "Свиньин и сыновья"

2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Койфман А. А.

Где дом твой, киллер? / А. А. Койфман — ООО "Свиныйн и сыновья", 2017

ISBN 978-5-98502-190-5

Читатели этой книги имеют возможность «посмотреть» увлекательный, остросюжетный триллер – в четырех частях, но не на экране, а в изначальном виде – глазами (и словами) автора сценария. Кроме того, книга представляет собой своего рода рассказ о путешествиях – по Европе и Южной Америке, в компании с необычным персонажем – профессиональным киллером, с приключениями и погонями, неожиданными поворотами и любовными переплетениями. Герой этого сериала – простой парень, судьба которого сложилась так, что он научился хорошо делать только две вещи: ловко драться и метко стрелять. Порой он стремится к чему-то иному и светлому. Его мужская сила, зачастую переходящая в грубость, привлекает женщин, неудовлетворенных обыденным и размеренным течением жизни. Но брутальность киллера иногда способна глубоко ранить даже тех, к кому он искренне привязан.

УДК 82-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98502-190-5

© Койфман А. А., 2017

© ООО "Свиныйн и сыновья", 2017

Содержание

Часть 1	6
Лион	7
Мец	15
Брюгге	21
Кёльн, Шмалленберг	29
Бремен	36
Гамбург, Франкфурт	44
Венеция	52
Часть 2	61
Нюрнберг	62
Берингерсдорф	68
Нордхаузен	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр А. Койфман

Где дом твой, киллер?

© Койфман А. А., 2018

© Сапожникова В. И., дизайн обложки, 2018

© Оформление. ООО «Свиньин и сыновья», 2018

* * *

Часть 1

Киллер

«Одинокому волку» по заданию «конторы» предстоит проделать долгий путь по дорогам Европы: от Франции до Бельгии, через всю Германию и Австрию до Венеции, где он должен устранить главаря крупной банды с Ближнего Востока. Впрочем, в своих путешествиях он никогда не бывает одинок – где бы он не оказался, непременно появляется новая спутница, готовая его преданно сопровождать.

Лион

Понедельник – среда

21:00. 11 мая 2015 г., понедельник.

Пригород Лиона – Брон.

Машина едет по городскому проезду. В машине мужчина лет за тридцать. Постриженная под ежика голова, внимательный, даже настороженный взгляд, жестко обрезанные черты лица кажутся не соответствующими голубизне глаз и курносому носу. Мужчина спокойно разглядывает проплывающие мимо магазины и людей на тротуарах.

Полукруглый проезд окружен четырех- и пятиэтажными домами, с выдвинутыми вперед многочисленными магазинчиками, кафе, аптеками. Есть даже какое-то заведение с вывеской «Казино». Впрочем, вряд ли это действительно казино.

В самом конце проезда, около «Cinema les Alises», небрежно прислонившись к рекламной тумбе, выставили напоказ крутые бедра, обтянутые коротенькими кожаными юбчонками, две молоденькие проститутки. Чуть ближе, у столба со знаком «кирпич», с независимым видом стоит женщина намного старше. Не очень высокая, худощавая, коричневые брючки, легкая полупрозрачная персиковая кофточка, под которой угадываются бретельки светлого нижнего белья. Уже поздний вечер, весьма прохладно: наверное, прогуливается давно. По внешнему виду – лет под сорок. Делает вид, что стоит и ждет кого-то. Но опытный взгляд сразу определит, кого или, вернее, чего она ждет.

Тормознул около нее и негромко спросил, придвинувшись к правому окошку:

– Сколько?

– Сто пятьдесят.

В голосе чувствуется неуверенность. Подходит поближе, не уверена, что мужчина разглядел ее возраст.

– Есть куда поехать?

– Можно в машине.

– В машине меня не устраивает. Имеется жилище?

– Можно ведь в отель.

– Нет, мне это тоже неудобно. И я хотел бы на всю ночь.

– Я обычно домой не привожу, но если вы, месье, настаиваете, то можно у меня. Но добавьте еще полсотни.

Говорит более уверенно: убедилась, что ее возраст разглядели.

– Хорошо, договорились.

– Тут недалеко, я пойду к машине, а вы за мной.

Ее машина стояла неподалеку, сразу же за Авеню 8 мая. Пришлось только подождать, пока мимо по авеню прогрехочет трамвай. Женщина шла немного впереди, мужчина медленно ехал следом. Подождал, пока она завела свой старенький «Ситроен», и пристроился следом за ней.

За Авеню 8 мая сразу же началась дорога D506, машины проехали по ней до поворота на аэропорт Лион – Брон и покатали мимо него дальше, теперь по D306.

После развязки с дорогой N346 машина женщины останавливается, чуть съехав к обочине около стоянки, где уже стоят несколько фур и два легковых автомобиля. Мужчина подъезжает следом, выходит, наклоняется к открытому окну машины женщины.

– Пересядьте ко мне, свою можете оставить здесь, никто ее не возьмет.

– Не хотите, чтобы мою машину заметили возле вашего дома? Ладно.

Взял из машины кейс, снял с вешалки пиджак и пересел к женщине, не включив противотуманное устройство и оставив открытым окно.

Едут дальше, мимо мелькает надпись: Сен-Лоран-де-Мюр. Сворачивают на слабо освещенную аллею, еще один поворот, и останавливаются во дворе небольшого домика.

Мужчина осматривается в доме. Ему не раз в странствованиях по Европе доводилось бывать в жилищах проституток. Обычно в них неуютно, разбросаны вещи, часто специфический запах – смесь аромата спиртного и тяжелых духов. Здесь не было ничего похожего. Нормальный мещанский уют: мягкая двойка в гостиной, невысокий трехстворчатый застекленный шкаф с посудой, фужерами, фотографиями на полках, несколько книжек сиротливо прислонились к стенке на одной из полок. Разве что из обычного ансамбля выпадал раздвижной столик в углу. По привычке внимательно оглядел комнату, окно, выходящее все в тот же дворик, заглянул в ванную, но ничего подозрительного не увидел. Присутствие мужчины в домике не ощущается. Женщина уже прошла на кухню и поставила на плиту чайник. Из кухни доносится:

– Вы, наверное, давно в пути? Номера машины марсельские.

– Да, до обеда выехал.

Выглядывает из кухни:

– Будете чай? Я уже поставила.

Немного странно, будто к двоюродной тетушке заехал. – Да, не откажусь.

Зашел на кухню, вынул из бумажника двести евро, положил на стол.

Женщина мельком взглянула на две бумажки, спокойно взяла их, сунула в карман брюк:

– Сейчас сделаю бутерброды с сыром.

– Хорошо, я дополнительно заплачу.

– Не нужно, «за счет заведения».

– У вас «заведение»?

Улыбается:

– Нет, я работаю официанткой в кафе. Это так шутит наш хозяин, когда выставляет пиво заглянувшей компании.

Что тут скажешь? Шутить следом за ней вроде неуместно, да и устал он: почти целый день за рулем, только раз останавливался пообедать. Чай очень приличный, к бутербродам с сыром отнесся с должным вниманием. Хозяйка посмотрела, как мужчина расправляется с бутербродами, молча встала и начала готовить яичницу с беконом.

– Вы случайно не еврей? Мясное после сыра будете есть?

– Случайно еврей, но правила кашрута не соблюдаю.

– Хорошо, сейчас будет готово.

Через пару минут ставит перед мужчиной тарелку. Яичница мужчине понравилась, да и голоден был. Хозяйка садится напротив, внимательно смотрит на него, подперев голову рукой. А он уже заканчивает яичницу.

Мужчина поднимает голову, смотрит на женщину:

– Что-нибудь не так?

– Нет, люблю смотреть, как мужчины едят. Ладно, душ принимать будете?

Душ очень даже уместен, все-таки целый день в машине. Еще май, но уже жарко, и кондиционер в машине не работает. Чертов хозяин, не мог его починить.

Мельком взглянул на свой кейс.

– Не волнуйтесь, я к клиентам в вещи не лазаю.

– Да у меня там ничего и нет. И замок шестизначный.

Она рассмеялась:

– И о бумажнике можете не беспокоиться. Я же вижу, что фокусы могли бы мне дорого обойтись.

Мужчина кривил душой: в дипломате помимо умывальных принадлежностей, тонких перчаток, свежих носков и бритвы лежал пакет с деньгами и любимый пистолет с глушителем. Хозяйка подала полотенце и показала, как включать горячую воду.

После душа мужчина вышел из ванной в хорошем настроении, но хозяйку в гостиной не обнаружил.

– Проходите сюда, я в спальне.

В спальне почти темно, комната крохотная, более половины в ней занимает двуспальная кровать. Хозяйка уже в постели, укрыта легким одеялом до плеч, видна только голова. Не хочет раздеваться при клиенте, стесняется своего тела.

– Я лучше в гостиной устроюсь, на диване.

– Он неудобный, а кровать широкая. Не беспокойтесь, я вас не трону. Понимаю, что вам не женщина нужна, а постель, отоспаться перед дорогой.

– Почему вы так решили? Впрочем, верно, я устал.

– Видно же, что вы обратились к женщине, у которой, вероятно, имеется свое жилище: не хотите регистрироваться в отеле. Ведь номер здесь рядом, в Hotel Au Lyon Vert, можно снять меньше чем за полсотни евро. Да и в Броне двенадцать отелей, не говоря уж о Лионе, и не все они дорогие. Едете без чемодана, бросили машину. Наверняка завтра не вернетесь за ней. Видимо, проблемы?

Что-то она больно многое понимает.

– У вас слишком много предположений. Проблем особых нет. Но контактов с полицией не хотелось бы иметь. Не беспокойтесь, завтра я уеду и не появлюсь здесь больше. Да, а как вас зовут?

– Зачем вам мое имя? Можете называть меня Мари. А я вас назову Генри. Все равно вы мне своего настоящего имени не скажете.

Действительно, зачем говорить. Да и какое оно, настоящее имя? Почти забыл его.

– Мари, так Мари. А мне, действительно, безразлично, как вы меня назовете. Пусть будет Генри.

Мужчина тоже разделся и улегся на своей половине кровати:

– Спокойной ночи.

Но одеяло-то одно, спиной чувствует, что Мари рядом совсем голая. Впрочем, какое ему до этого дело. Может быть, она так привыкла спать или разделась на всякий случай, для клиента. Женщина тоже пожелала спокойной ночи. Но он не ответил. Отключился почти сразу.

Мари некоторое время лежит с широко открытыми глазами. Потом отворачивается от Генри. Одеяло немного сползло. Видно по открытым плечам, что она без белья.

7:00. 12 мая, вторник.

Утром, когда мужчина проснулся, Мари рядом не было. Из зашторенного окна пробивался слабенький луч света. Слышно было, как на кухне что-то скворчит на сковородке, да и запах поджариваемого на оливковом масле мяса проник даже в спальню.

– Вставайте, Генри, мне на работу скоро идти. Мое кафе рано открывается.

– Хорошо, я сейчас.

Когда после бритья он вышел из ванной, на выдвинутом из угла столике уже стояло небольшое блюдо с зеленью, на тарелке красовался солидный шмат жареной свинины с зеленым горошком. Рядом на стакане кофе – два ломтя гренков. У Мари – только кофе и гренки.

Знает, что требуется утром мужчине. Впрочем, она же в кафе утром подает мужчинам, видит, что они заказывают. Что ж она одна, без мужика, мается? Ведь совсем не страшенькая.

– Генри, вы сейчас уезжаете? Я могу вас подбросить до станции или аэропорта.

– Возможно, я задержусь здесь на денек. Есть еще пара дел.

– Хорошо, так куда вас подвезти? Ночевать придете?

Что это она так?

– Не знаю пока. Я такси возьму.

– Здесь вы не возьмете. Нужно хотя бы на основную дорогу выйти. Или заказать по телефону. Но, если вы собираетесь вечером вернуться, я дам вам свою машину, только вечером верните, не бросайте, как свою.

– А вы, Мари, разве после работы не поедете искать клиента?

– Нет, я только по понедельникам выхожу. В понедельник наше кафе закрыто. Мне зарплаты на жизнь хватает. Клиенты нужны только для оплаты по закладной. Мне еще три года выплачивать за домик.

– Было бы удобно иметь сегодня машину. Я вам заплачу еще сотню.

– Не нужно, только заправьте вечером бак бензином. И заезжайте за мной, если сможете.

У меня смена в шесть кончается.

– Мари, почему вы доверяете мне?

– Я в нашем кафе много народу повидала. Сразу видно, что вы по мелочам не будете пачкаться. У меня племянник был – Генри – такой же, только на пару лет моложе вас. В Гамбурге жил, в Германии. Генри Полонски: старшая сестра замужем за поляком некоторое время была. К сожалению, исчез где-то в Южной Америке.

– Надо же, вот почему вы меня Генри назвали.

Пока Мари убирала посуду и собиралась в дорогу, двигаясь между спальней, гостиной и кухней, Генри просмотрел вечерние газеты. Ничего об инцидентах в Марселе не было. Да и о чем писать? Ни убитых, ни хотя бы стрельбы.

Мари довезла Генри до своего кафе – оказалось совсем рядом с отелем, который она упомянула ночью, и передала ключи, выходя из машины:

– До вечера.

Генри помахал ей рукой и медленно поехал в сторону Лиона.

Четкого плана не было. Нужно сделать два дела: отчитаться в «конторе» о причинах невыполнения заказа и запросить в Гамбурге новые документы. С конторой можно связаться по Интернету, не ехать же в Амстердам, но в Гамбург обязательно придется явиться лично. Еще проблема – деньги на исходе. Нет, в дипломате лежит пятнадцать тысяч евро, но это аванс за невыполненную работу. Возможно, его придется сдать, не ссориться же еще и с «конторой». Хватит проблем с полицией и людьми ускользнувшего Ибрагима. Можно заехать в Прагу, взять там деньги в банке, но это уже совсем плохой вариант. Не следует там брать – предпочтительнее вкладывать. Лежит в ячейке и «чистый» комплект документов, но он тоже на крайний случай.

Значит, ближайшие задачи: добыть новый мобильник и достать денег. В бумажнике меньше тысячи евро, этого недостаточно. Документы будут много стоить, да и добраться в Гамбург недешево в таком положении. Мобильник выброшен в море еще в Марселе, он наверняка засвечен. Покупать новый – дорого и жалко денег, ведь сразу же придется выбросить. Даже старенький – не так уж дешево. Значит, нужно в первую очередь поехать к вокзалу.

Проезжая мимо стоянки, где оставил свою машину, убедился, что ее еще не угнали. Жаль, если полиция ее обнаружит, догадается, что хозяин где-то здесь. Но будут поджидать около машины. Лучше бы ее обнаружили в соседнем департаменте. Но тут уж ничего не поделаешь. Доехал до вокзала Gare de la Part-Dieu, он в самом центре: от того места, где познакомился с Мари, не больше пяти километров.

Два круга по площади, нашел стоянку для машины и пошел к вокзалу. Сразу же купил газеты – почитать позднее. В самом вокзале делать нечего. Около вокзала шныряют негры, предлагая всякую мелочевку. Остановил одного из них, слушающего по телефону музыку:

– Дай позвонить, получишь десять евро.

– Нет, музыка хорошая. Давай двадцать.

– Мобильник не засвечен?

– Нет, совсем чистый, недавно купил. Видишь, не выключен.

– Врешь, конечно, стащил где-то. Но меня это не волнует: не выключен, значит никуда о нем не обращались.

Звонит. Четыре гудка, голос по телефону:

– Кто?

– Питер. Помнишь еще меня?

– Да. Есть проблемы?

– Мне нужен новый комплект документов, Фридрих.

– На чье имя?

– Пусть будет на имя Генри Полонски, родившегося в Гамбурге. Мать – француженка, отец – поляк. На два года моложе меня.

– Хорошо, сделаю, фотография твоя у меня в компьютере имеется. Ты там не сильно изменился за прошедшие два года?

– Вроде нет.

– Это будет стоить, как всегда. Приезжай дней через десять.

– Хорошо.

Расплатился с негром, прошелся по площади. Нашел поблизости интернет-кафе. Соединился по скайпу:

– Кого вы послали ко мне? И зачем? Не могли найти кого-то поопытнее? Он завалился на второй день. Люди Ибрагима схватили его во время слежки, и он все сдал. Да еще полиция подключилась. Кто ей дал информацию? Пришлось срочно бежать, думаю двинуть через Кёльн в Гамбург за новыми документами.

– Не гони, Питер. Мы разберемся, кто там виноват. И там ли. Ты должен залечь на дно. Но звони чаще, мы будем тебя информировать о том, где «клиент».

– У меня проблемы с капустой.

– У тебя должна еще оставаться часть аванса. Трать пока из него, дашь потом отчет, если нужно будет. Другого ничего не жди.

– Хорошо.

Расплатился и ушел к машине. Несколько мгновений сидит без движения.

Хорошо по крайней мере, что не обвиняют напрямую в провале. И непонятный намек: «И там ли». Хоть с «конторой» вроде не испортил отношения. И проблема с деньгами отодвинулась. По новым документам отчет примут без звука. Теперь понять бы, как от людей Ибрагима информация дошла до полиции? И от них ли? Обстоятельно придется подумать на досуге, не стоит долго высидывать в машине: привяжется какой-нибудь ажан.

Расплатиться и уехать? Куда? Конечно, можно поставить машину около кафе Мари, взять первую попавшуюся машину и поехать дальше. Мысль бросить машину Мари или уехать на ней даже не возникала. Но все равно придется где-то провести еще несколько дней. До Гамбурга не больше двух дней ходу, даже если придется два раза менять машины. До Люксембурга, например, можно добраться за день, и день потом до Гамбурга. Плохо только, что оставленную машину еще не угнали.

Вышел из машины и снова пошел на вокзал. Там наверняка имеется кинозал, можно будет посидеть пару часов. Потом победать, проехаться по Лиону, рассмотреть его – зря, что ли, в нем оказался, а там уж можно ехать к Мари.

Так он и сделал, только время тянулось медленно. Нашел кинозал, немного подремал, пока шла глупая любовная история. Вышел из вокзала, увидел на другой стороне площади кафе, пообедал. Проехал по Лиону, стараясь не попасть в центр. По сторонам ничего интересного.

Нашел заправку, залил полный бак бензина, проехал на мойку вымыть машину. И все равно еще рано. Возвращается в Брон. Проезжая стоянку, убедился, что машина все еще на месте.

Кончилось тем, что поехал к кафе и сидел около него в машине еще полчаса. За это время пролистал в обеих газетах разделы уголовной хроники. Опять ничего нет о Марселе. Вернее, есть, но не про интересующие события. Аккуратно сложил газеты и отложил на заднее сиденье.

Наконец Мари вышла, вместе с еще одной женщиной, несущей битком набитую сумку. Мельком взглянула на свою машину, сделав равнодушное лицо, как будто не обрадовалась. Повернулась к женщине, сказала ей что-то коротко, попрощалась, подошла к машине, села рядом и сказала буднично:

– Домой или тебя отвезти куда-то?

– Я бы сейчас съездил поужинать в хорошее место. А потом остался бы у тебя, если ты не против.

– Оставайся, почему мне быть против? Но я только что поела у себя в кафе.

– Тогда посмотришь, как я ем. Ты говорила, что любишь смотреть.

Незаметно перешли с ней на «ты». Вернее, она так начала.

– Хорошо, но я должна переодеться. Тебе стыдно будет сидеть в приличном ресторане с таким страшилищем.

– Отнюдь, но, конечно, заедем.

В гостиной у Мари свет еще не включен, хотя почти вечер. Одевалась она у себя в спальне не меньше получаса. Несколько раз выходила из спальни в новом наряде, показывая Генри. Но после его одобрительного кивка снова исчезала в спальне. Наверное, все перемеряла. Наконец забегает в ванную, возвращается в спальню и выходит уже с наложенным макияжем. По мнению Генри, получилось неплохо, о чем он сразу же сообщил Мари.

В общем, выехали только в семь. Генри сразу объявил, что выбор ресторана за дамой, так как сам ничего здесь не знает. Думал, они поедут в Лион, но Мари, сев за руль, предложила отправиться в симпатичный загородный ресторан, находящийся не очень далеко – в двадцати километрах.

Свернули с D306 на D346 (или E15, Генри так и не разобрался в ее номере), проехали по внушительному мосту через протоку Роны и вырулили на переплетение небольших дорог. Вокруг одноэтажные домики. Мари вела машину уверенно – вероятно, бывала здесь не раз. Выехали на Rue Claude Mone и в самом конце ее оказались в небольшом дворике ресторана. На фронте вывеска «L'allée Des Vernes».

Ресторанчик – типичный ресторанчик «на природе» – не производит особого впечатления. Немного облезлое деревянное здание на высоком, почти метровом, фундаменте, столики под крышей и открытые солнцу (или скорее звездам, поскольку уже вечер). Но природы-то вокруг нет. Да и посетители практически отсутствуют.

Пока Мари обсуждала с подбежавшим официантом меню, Генри вышел прогуляться, осмотреть окрестности. Совсем рядом, менее чем в полукилометре, должны были быть водные просторы: с одной стороны – озера, а с другой – широкий разлив Риэ, протоки Роны, но ничего этого не видно. Поблизости еще небольшое, совсем пустое кафе, вокруг то ли дачи, то ли загородные домики. Вернулся к столу, Мари уже договорилась с официантом о меню.

– Как здесь выживает это заведение? Посетителей нет. И на столе только графинчик с соком, высокие бокалы и тарелка с черным хлебом. Понятно, она соблюдает диету. – Что, ресторан безалкогольный? Но мясо хоть подадут?

– Успокойся, все будет.

Опасения Генри были преждевременными. Официант принес и расставил на столе заказанное. Увидев гору мяса, Генри возрадовался:

– Вот это я понимаю. То, что доктор прописал. Расскажи, что нам принесли?

– У тебя грибной жульен, говядина «Шатобриан», цыпленок в вине. У меня куриный супрем с соусом «шам-пань». Здесь цыпленка готовят отлично...

Что-то продолжает говорить, но Генри уже не слушает, поглощенный процессом насыщения.

А ресторан наполнялся. Несколько пар приехали на весьма приличных машинах. За соседним столом уселись четверо мужчин ближневосточной наружности. Начинают обмениваться мнениями – сперва тихо, но потом тонус беседы повысился.

Молодой араб говорит все энергичнее, начинает размахивать руками. Генри начал прислушиваться, даже отставил в сторону тарелку с цыпленком. Арабский он знает достаточно хорошо: приходилось бывать и в Ливане, и в Сирии. Вдруг араб несколько раз произнес:

– Ал-яхуд ал-раджим¹.

Генри встал из-за стола и подошел к ним. Обратился в повышенном тоне:

– Надоело вас слушать! Говорите тише. Здесь не только вы.

Два молодых араба вскочили из-за стола, перешли на французский язык.

– Твое какое дело? Помалкивай, а то нарвешься.

Араб постарше, не вставая со своего места, процедил сквозь зубы:

– Да это еврей!

Молодой араб, стоящий у края веранды, ругаясь по-русски с ужасным акцентом, упомянул всех гипотетических родственниц Генри: маму, сестер и будущих дочерей. Генри молча поддел его кулаком под челюсть. Юноша полетел с веранды вместе с хлипким ограждением, продолжая на лету что-то кричать.

Еще двое сидевших за столом поднялись навстречу к Генри. Движения у них замедленные. Пока находившийся слева старший араб вышел из-за стола, пока сделал недостающие два шага, Генри уже уложил на пол вставшего с ним молодого парня, не обращая внимания на четвертого, который замер на месте, потрясенный полетом своего товарища с веранды. Старший успел встать в стойку, как будто собирался боксировать – все это выглядело довольно смешно. Генри крутнулся и ударил его правой ногой по левому уху. Тот замер на месте, оглушенный. Еще один удар кулаком по горлу, и он свалился. Последний из парней как будто очнулся и бросился бежать.

Догонять его нет времени. Генри спросил Мари, сколько нужно платить, не дождавшись ответа, положил сто евро под солонку и потащил Мари к машине. Встретаться с полицией ему ни к чему. Посетители и официанты застыли в изумлении, ничего не успев понять из этого быстротечного происшествия.

Потрясенная Мари молчала, вести машину она явно не могла. Генри сел за руль и двинулся к шоссе. Проскочил к окружному шоссе Лиона и по нему доехал до Брона. Там уже не спеша поехал по знакомой дороге к домику Мари. С удивлением увидел, что на стоянке его машины нет. Не ясно, кто ее увел – полиция или злоумышленники, но Генри это обрадовало.

Мари пришла в себя только дома:

– Что это? Почему ты начал драку? Кто ты?

– Не волнуйся, это обычное внушение: он нехорошо отозвался о моих родственницах, такое терпеть нельзя.

– Почему мы сразу уехали? Даже не закончили ужин.

¹ Проклятые евреи.

– Я же тебе говорил, у меня не все в порядке с документами, не к чему мне встречаться с полицией. А если ты сейчас приготовишь кофе, можно будет считать ужин завершенным.

– Ты не ответил, кто ты?

– Не думаю, что тебе интересно будет выслушивать небылицы, а рассказывать о себе подробно не хочется. Я – Генри, твой знакомый. Мы знакомы уже целые сутки. Впрочем, я завтра уезжаю, и ты сможешь забыть эту небольшую неприятность.

– Не думаю, что быстро забуду.

И изменив интонацию:

– Ты не хочешь остаться еще хотя бы на один день?

– Хочу, но не могу. Мне послезавтра нужно быть в Вене. Зачем ей знать маршрут.

– Как же ты поедешь без документов?

– Возьму где-то машину.

– Возьмешь напрокат?

– Ты вчера была такая проникательная, что с тобой? Выбил из колеи этот маленький инцидент?

– Маленький? Ты, возможно, покалечил трех человек! Маленький инцидент.

– Они парни здоровые, ничего с ними не будет. Если бы хотел их покалечить, делал бы все по-другому. Хватит причитать, иди на кухню, готовь кофе!

Окрик подействовал отрезвляюще, Мари ушла на кухню.

Потом на кухне пили кофе с пирожными, которые Мари вынула из холодильника. Генри заметил, что ни вчера, ни сегодня вечером ей никто не звонил по телефону. То ли нет друзей, то ли не очень коммуникабельна.

– Тебе никто не звонит. Что, нет друзей? Расскажи хоть немного о себе.

– Нечего рассказывать. Ничего интересного в жизни не было.

– Так не бывает. Ты здесь родилась?

– Нет, я здесь только пять лет. Жила с матерью недалеко отсюда, в маленьком городишке в департаменте Эн, в горах. Замуж как-то не вышла там – никого подходящего в нашем городке не было. После смерти матери продала родительский домик, денег хватило только на первый взнос за этот вот дом. Поэтому и приходится по понедельникам искать клиентов.

– Ну, ладно, мужа нет. А почему нет друга?

– Был. Как раз в ресторан, в котором мы так неудачно посидели, ездила с приятелем. Тогда там было хорошо, прекрасный вид на обе протоки Роны, и карьера не было. Теперь грузовики с щебенкой ездят днем прямо рядом с рестораном. Но приятель узнал о моих поездках в Брон по понедельникам, и мы расстались.

– Жалко, конечно. А как с работой?

– Работа в кафе обычная – официантка. Не очень напряженная, только в обеденный пере-рыв нагрузка серьезная. Платят мало, на жизнь едва и хватает.

Генри промолчал, в его мыслях промелькнуло: «Да, картинка не очень красочная, но зато без моих непрерывных приключений и проблем. Вот наберется в Праге приличная сумма, можно будет купить небольшой ресторанчик в Греции, жениться и тоже зажить спокойной жизнью, если удастся к тому времени остаться в живых».

Вечер кончился. Мари дала Генри халат, сказала, что выстирает рубашку и все остальное. Когда ложились спать, она была в пижаме. Под утро Генри ощутил на своем боку ее руку, не помешавшую, однако, ему спокойно выспаться.

А утром Мари отдала Генри выглаженную одежду, накормила, и они поехали в Брон.

Мец

Среда, четверг

7:40. 13 мая, среда. Брон.

Мари подвезла Генри в конец проспекта Рузвельта, около «Cinema les Alises»:

– Все, больше никогда не увидимся?

– Где-то я читал выражение: «Никогда не говори никогда».

Мари только пожала плечами, высадила Генри, махнула на прощание рукой и поехала вперед искать место для разворота. Честно говоря, и он тоже был уверен, что Мари, или как уж там ее зовут, никогда больше не увидит. Зачем бы им снова встречаться? Впрочем, мысли были заняты совсем другим.

Пошел к кинотеатру, вернее к полукруглому проезду, в котором машины стоят у всех на виду. Клиенты и покупатели подъезжают и отъезжают довольно часто – Генри заметил это, когда позавчера рассматривал проституток. Машину удобнее брать именно на таком оживленном месте.

Прошел один ряд машин, неторопливо мимо второго, и тут почти сразу обнаружил автомобиль, у которого хозяин поленился закрыть окно. Просунул руку внутрь, открыл дверь, Генри уже на водительском месте.

Нет никакой сирены, ключей в замке тоже нет, но это проблема на одну минуту. Едет к Авеню 8 мая и следом к N346. Разворачивается на «клеверном листе», дальше путь по восточной дуге Лиона к съезду на А6. Можно было бы сделать проще – проехать через центр, но там в дорожной сумятице не исключено случайно нарваться на полицию.

С А6 переходит на Е15. Еще полсотни километров, и Е15 уйдет в сторону Парижа, где, правда, делать нечего. А пока можно вспомнить детально о событиях в Марселе. В Броне о них думать не хотелось, или, может быть, инстинктивно отгонял неприятные размышления.

В Марселе его «засветил» посланец «конторы». Это Генри понял, наблюдая с чердака через окуляр винтовки вход в расположенный напротив отель, где поселился Ибрагим – его «клиент». Из подъехавшего черного мерседеса вышли трое. Посторонний глаз не обратил бы внимания, но Генри видно, что средний из группы практически зажат между двумя другими. Все трое исчезли в дверях.

Ощущение разочарования. Даже в профиль легко узнать среднего, которого вели к двери люди Ибрагима – мелкий проходимец, иногда выполнявший поручения «конторы». Конечно, он все сдаст: и адрес Генри, и его словесный портрет. Нужно выдвигаться. Разобрал и сложил винтовку в футляр, накрыл футляр ящиком, немного сдвинув его. Ушел по лестнице вниз.

Добравшись до своего отеля, Генри уложил вещи в кейс, протер спинки стульев, ручку двери, огляделся. Через открытое окно второго этажа слышен шум подъехавших машин. Выглянул в окно: узнал черный мерседес. Из него вышли люди, вторая машина просто стоит. Схватил кейс, покинул номер, спустился по лестнице и спокойно прошел через ресторан, кухню и подсобные помещения во двор, где стояла его машина.

Воспоминания прерываются появившимся указателем на Макон. Съехав на А31, объезжает его по восточной дуге. GPS показывает, что дорога далеко огибает Лангр, здесь можно было бы спрямить путь. Но нет желания уходить с А31, этой прекрасной дороги без перекрестков.

Пообедал в придорожном кафе у пересечения дороги с Е54. Дальше путь продолжается к Нанси. Солнце печет, несмотря на включенный кондиционер, жарко, хочется спать. К четырем часам уже остаются позади западные пригороды Нанси.

Пока все идет по плану, нужно только выбрать, где остановиться на ночлег. До Меца еще час езды, но это не лучший вариант: вдруг у полиции уже имеются сведения об угоне машины.

Объезжает Мец, сходит с основной дороги, рассматривая проплывающие мимо селения в поисках какого-нибудь кафе. Проехал по узким дорогам два поселка и только в Argancy на узенькой улице Rue de la Bergerie Rugu, недалеко от мэрии, цель была обнаружена. Глядит из машины.

16:00. 13 мая 2015 г., среда. Кафе.

Кафе совсем маленькое. Под пологом стол на шесть персон и столик под открытым небом. Скамейка и парапет обрамляют крошечный дворик.

То что нужно. Где-то близко Мозель и многочисленные пруды на левом, низменном берегу, совсем рядом шумный Мец с туристами. А здесь тишина, и он в этот момент единственный посетитель кафе. Возле мэрии находится, однако, приличный отель с рестораном «La Bergery hotel restaurant», но о нем Генри узнал позднее, да и время для ресторана сейчас неподходящее – еще нет шести вечера. Плохо только, что некуда поставить машину. Возвращаться назад, на площадь перед мэрией не хочется, там не местной машиной может заинтересоваться полицейский. Даже в таком крохотном поселке должна быть полиция.

Навстречу посетителю из-за плотной занавески в вертикальные красные и голубые полосы на широкой двери выходит хозяйка. Полнокровная лотарингская дама лет тридцати пяти, в длинной темной юбке с белым передничком, мягких башмаках, белой кофточке на высокой груди. Правда, только в первый момент она кажется полной, на самом деле – у нее широкие бедра и плечи. Чувствуется, что она уверенно стоит на своих крепких ногах.

– Месье хочет ужинать? Генри из окна машины:

– Месье хочет поставить где-то машину.

– Переставьте вперед в тупичок. Никто ее у нас не тронет.

Пришлось передвинуть машину еще на пять метров вперед, почти загородив проезд. Вернувшись в кафе, уселся за маленьким столиком. Хозяйка снова появилась из-за двери, теребя белоснежный передник:

– Будете что-то заказывать или принести кувшин вина?

– Да, для начала я хотел бы попробовать что-нибудь из мозельских вин. У вас их производят?

– Обижаете, месье, у нас прекрасные мозельские вина. Их изготавливают не только в Германии.

– Я бы предпочел красное вино из винограда Пино нуар. Что у вас имеется?

– Это дорогие вина, у нас их никто не пьет.

– А что есть из красных вин?

– Могу предложить прекрасное местное вино из винограда Гаме де Ливердён. Очень приятное и дешевое. Не пожалеете.

– Ну, давайте на ваш вкус.

Хозяйка приносит и ставит на стол кувшинчик вина, стакан, тарелочку с сыром и корзинку с черным хлебом. Наливает вино в стакан. Вино среднее, но зато очень холодное.

– Я не очень-то разбираюсь в винах. Но вино приятное, и главное, – холодное. А с сыром и черным хлебом... вы как будто угадали, что я люблю.

Хозяйка поминутно появляется перед столиком:

– Месье не нужно что-то еще? Месье не жарко здесь? Может быть, месье перейдет под навес?

– Мне нравится здесь на солнышке, мадемуазель.

– Мадам. Но, к сожалению, Господь прибрал моего муженька два года назад.

По виду не чувствуется, что она очень сожалеет об этом.

– А что, он болел сильно?

У хозяйки появился повод, и она уселась на краешек стула у стола:

– Нет, обычная старческая слабость, сейчас он был бы в два раза старше меня. Он ведь болел последние три года, все слабел и слабел. Господь прекратил его мучения. Кафе полностью лежало и лежит сейчас на моих плечах. Правда, посетителей у нас всегда было немного. Хорошо, что от мужа остался принадлежавший ему небольшой виноградник – он сдавал его внаем, и это помогало нам жить, да и теперь помогает мне.

Неизвестно, сколько бы она еще рассказывала о муже и о себе, но во двор вошли двое мужчин, заинтересованно оглядели Генри:

– Софи, нам как обычно.

Хозяйка сразу же хлопотала, поставила на стол под навесом два пузатых кувшина, большую тарелку сыра и горку хлеба. Начала приглушенно говорить с ними на каком-то диалекте немецкого языка.

А Генри остался сидеть, наслаждаясь наступившей тишиной и мягким вечерним солнцем. Совершенно не хотелось куда-то ехать, да и некуда спешить. До встречи в Гамбурге еще много дней.

Хозяйка обслужила новых посетителей и снова подошла к Генри.

– Извините, вас зовут Софи?

– Да, Софи. Вам что-то нужно еще? Может, приготовить вам ужин, месье?

– Меня зовут Генри. Ужинать немного рано, я бы поужинал через час-полтора.

– Хорошо, месье Генри. Что вам приготовить? У меня есть мясо индейки, свинина и кролик.

– Достаточно будет кролика в вине, с овощами. И кувшинчик этого вина. Да, Софи, а отель в поселке имеется?

– Да, совсем рядом, около мэрии. Отель и ресторан «La Bergery hotel restaurant», но там дорого, а я могла бы дешево предложить вам комнату моего мужа, в ней иногда останавливаются посетители. Не беспокойтесь, муж умер в больнице.

– Уже куда-либо перемещаться большого желания нет. У вас ведется учет постояльцев?

– У меня не отель, я не веду специальный учет, но записываю данные. На всякий случай.

Вы мне просто скажите, и я запишу.

– Генри Полонски из Гамбурга. Этого достаточно?

– Да, я запишу позднее. Пойдемте, я покажу вам комнату. Комната показалась Генри нормальной: двуспальная кровать, объемистый шкаф, письменный стол, кресло у окна.

– Хорошо, Софи, я остановлюсь у вас. Сколько платить за ночлег? Я только на одну ночь.

– Всего только двадцать пять евро, это ведь не отель. Располагайтесь, месье, отдохните с дороги. Я вас через час позову ужинать.

– Можно сделать один междугородний звонок?

– Да, телефон в гостиной.

Позвонил в «контору»:

– Я ночую недалеко от Меца, в маленьком отеле. Планирую ехать в Гамбург, через Кёльн. Есть новости?

– Пока новостей нет.

Генри перешел в свою комнату. Сбросил ботинки и разлегся на кровати поверх покрывала. Лежит с открытыми глазами. Снова прокручиваются сцены в Марселе.

Акция провалена, и нужно было сразу же уезжать из Марселя. Но он решил все же попытаться довести дело. И это была его первая ошибка.

Не думал, что они быстро найдут его следующий отель, где он зарегистрировался уже под новой фамилией. Неужели опрашивали портье во всех отелях, показывая фоторобот? Или где-то сам прокололся? Детально вспоминает весь следующий день.

Утром взял напрокат светлый форд и проехал мимо отеля, в котором жил Ибрагим. У входа прогуливается один из его охранников. Значит, Ибрагим еще в отеле. На чердаке трехэтажного дома, расположенного напротив отеля, спрятана винтовка с оптическим прицелом. Опасно пытаться завершать дело сегодня, после вчерашних событий охрана будет настороже. Но и откладывать тоже чревато, Ибрагим в любой момент может уехать из Марселя.

Проезжает за угол, ставит машину и раздумывает. Решается, идет к тыльной стороне дома. Открывает дверь запасного выхода отмычкой. По служебной лестнице поднимается к чердачному помещению, минуя этажи с квартирами. Подходит к спрятанной винтовке и видит, что кто-то здесь был: пустой ящик, прикрывавший футляр с разобранный винтовкой, положен идеально правильно. Не задумываясь уходит и возвращается к машине.

Это была вторая ошибка. Нельзя было подходить к машине, или нужно было ее хотя бы поставить подальше от отеля. За входами в дом наверняка следили – после того как Генри сел в машину, за ним увязался темный мерседес.

Генри едет по улице Кэри. Оглядывается – черный мерседес не отстает. Делает резкий поворот вправо, на улицу Боннетри, мерседес повторяет движение. Форд Генри увеличивает скорость. Проскакивает перекресток на желтый свет и сворачивает на Кутельри. Мерседес не отстает, хотя на светофоре уже красный. Еще два поворота налево, и затем через дворы улиц Мюр и Гран Рю выходит на Баньер. Взгляд назад – мерседес где-то отстал, запутался во дворах улицы Мюр. Боялись слишком близко подойти, потому и потеряли. Но, возможно, вела не одна машина.

Припарковался у своего отеля. Зашел в него только на несколько минут, расплатился, и, не заходя в номер, попросил швейцара заказать такси. Сел в такси, проехав совсем немного, остановил у крупного магазина. Прошел через второй выход на соседнюю улицу. Еще одно такси, на котором вернулся к отелю Ибрагима, выйдя за квартал от него.

К отелю подъехал мерседес, из которого вышли трое охранников Ибрагима. В отеле не задержались и уехали. Минут через десять появилась машина полиции.

Все, больше смотреть нечего. По номеру автомобиля полиция обратится в фирму проката, выяснит фамилию, произведет обыск в номере, ничего там не найдет. На задании он старается ни к чему не прикасаться, в отеле и машине, без перчаток, в ином случае все тщательно протирается. Теперь ему нельзя оставаться в городе, нужно искать другую машину и срочно уезжать. Для полиции стало бы делом чести изловить неясную личность, о которой теперь имеется достаточно сигналов. А возможности для этого у них есть: даже если пальчики не оставлены ни в одном отеле, им могли передать словесный портрет. Теперь во Франции придется вести себя очень осторожно. Хорошо, если они не до конца поняли, в чем дело. В Интерпол просто так, не зная никаких данных, кроме словесного описания, дело не передашь. И ничего конкретного у них не может быть. Не успел приступить к делу. А раньше во Франции работал дважды, и оба раза «чисто». Но документы, зафиксированные в отелях, для использования больше не пригодны, по крайней мере, во Франции.

Перебирать все в голове снова и снова бесполезно. Задремал.

Проснулся от голоса Софи за дверью: – Вставайте, месье Генри, ужин готов.

Во дворе кафе за большим столом трое мужчин, запивают вином жареные на вертеле колбаски. Разговор у них тоже на каком-то немецком диалекте. Генри опять за своим столиком, перед ним графин вина, на тарелках кролик, овощи. Он неторопливо расправляется с кроликом, чередуя овощи, мясо и вино. Графин почти полон, Генри пьет из стакана маленькими глотками.

Мужчины допили вино и ушли, Генри наслаждается тишиной и прохладой. Софи убирает за ними, заходит в дом. Вернулась переодетая и остановилась возле столика Генри:

– Месье Генри, вам еще что-нибудь принести? Кофе или чай? У меня есть пирог со сливовым наполнением. Теплый и очень вкусный. Я его совсем недавно для вас приготовила. Я вижу, вы вино не очень активно пьете.

– После вина кофе совсем не хочется. Давайте попробуем ваш пирог с чаем. Вы не составите мне компанию?

– С удовольствием, я сейчас принесу все.

Генри глядит на священнодействие Софи с некоторым удивлением. Соглашаясь на чай, он не представлял, что церемония будет обставлена так капитально. В его понимании чай – это чайник с кипятком, заварка в пакетиках или россыпью, сахар и в лучшем случае пирожное. А тут Софи сначала убрала все со стола, постелила полотняную скатерть цвета слоновой кости и две салфетки в тон ей. Затем торжественно вынесла мельхиоровый поднос, на котором густо уставлены атрибуты чаепития: пузатый чайник, масленка, вазочка с вареньем, сахарница, нарезанные ломтики лимона на изящном блюде. Десертные тарелочки, розетки, вилки, ложки, ножи она принесла отдельно и аккуратно положила на оба края стола. И, наконец, фарфоровые чашечки с блюдцами и пирог.

– Красивая посуда.

Разглядывает чашку, у которой с одной стороны сценка чаепития: дамы XVIII века в шляпках с перьями вокруг изящного столика на грациозных ножках, а с другой стороны – вензеля, украшенные баронской коронкой.

– Да, это все из семейного сервиза моего покойного мужа.

Торжественно приносит бутылку с коньяком двенадцатилетней выдержки, наливает в две рюмочки, но бутылку ставит на большой стол. Туда же ставит пепельницу, кладет зажигалку и пачку сигарет:

– Не волнуйтесь, месье Генри, чай и все прочее – это мое угощение.

Генри пожал плечами, обозначив свое спокойствие.

Он не знал, что во Франции во все времена приглашение на чаепитие на открытом воздухе считалось единственно верным началом продолжительного знакомства. Но сразу же подумал – это все неспроста. Нужно поддерживать светский разговор. Но как? Кажется, положено за таким торжественным чаем говорить о погоде. Или это в Англии так положено?

Но Софи начала разговор сама:

– Месье Генри, вы в первый раз у нас в Мозеле?

– Да, как-то не приходилось раньше здесь бывать. И вообще в Лотарингии никогда не был.

– Много потеряли. У нас очень красиво. Если бы у вас было время, можно было бы прокатиться на пароходике по Мозелю. Он здесь не такой широкий, как в Германии, но места не менее красивые.

– Да и природа здесь впечатляет, и женщины очень красивые, основательные.

Софи улыбнулась, явно примеряла комплимент на себя: – Не мне судить, вам мужчинам виднее.

Она разлила чай по чашечкам и добавила в него коньяк из рюмок:

– Попробуйте, у нас так принято пить чай.

Генри подносит чашку к носу, старательно вдыхает аромат. Добавляет еще немного коньяка. Софи тоже подливает себе, берет бутылку с соседнего стола и переставляет рядом:

– Чтобы не ходить несколько раз.

Чувствуется, что ей не терпится задать кучу вопросов. Но Генри не хочется выдумывать на ходу еще одну версию своей жизни. Поэтому перевел внимание на другое:

– Давайте выпьем по рюмочке за знакомство.

– Хорошо, только я принесу яблоки: не закусывать же хороший коньяк лимоном.

Приносит на тарелочке. Да, это не Израиль и не Россия – это Франция, коньяк здесь лимоном не закусывают. Выпили по две малюсенькие рюмочки, Генри отдал должное пирогу:

– Прекрасный пирог, от него пахло чем-то домашним, тем, чего я лишен.

Но Софи на лесть не откликнулась, до пирога не дотронулась. Вслушивается в наступившую в поселке тишину:

– Слышите, какая тишина? Поселок как будто вымер, ни звука вокруг. Даже собаки не лают, а ведь еще не так поздно.

И вдруг спохватилась:

– Вы, наверное, отдыхать хотите, а я вас задерживаю. Пойдемте в дом.

Спать, хотелось, но только Генри задремал, как почувствовал рядом с собой теплое плечо Софи. Она прильнула к нему и прошептала:

– Я сама, сама все сделаю.

Через некоторое время она ушла, но рано утром, когда птицы только начали свои песни, Софи снова успешно атаковала Генри. И они уснули вместе.

14 мая 2015 г., четверг.

Проснулся Генри довольно поздно от веселого голоса Софи:

– Вставайте, Генри, завтрак давно готов.

Было уже восемь утра. Минут через десять он сидел за столом и думал, как будет объяснять внезапный отъезд. Но этого делать не пришлось.

– Генри, я приготовила вам в дорогу кое-что поесть.

Кое-что оказалось сумкой, в которой лежало несколько свертков, источающих волнующие ароматы, и хорошо упакованная бутылка вина.

– Софи, спасибо большое. Вы просто прелесть. Сколько я вам должен?

– Не обижайте, Генри, вы у меня гость. И в будущем желанный гость. Будете в наших краях, обязательно загляните.

– Спасибо, Софи, за приглашение, но я тоже так не могу.

Вынул из бумажника бумажку в сто евро и положил на стол:

– Купите красивые цветы, Софи. Мне будет приятно, если, глядя на них, вы вспомните меня.

Брюгге

Четверг – суббота

8:30. 14 мая 2015 г., четверг.

Задним ходом Генри выбирается из узкой улочки, где так хорошо отдохнул. Впереди дорога через Люксембург. Он уже определил для себя, что поедет в Бельгию и остановится на денек где-нибудь рядом с Брюгге. В Брюгге приходилось бывать и по работе, и просто так. Город великолепен для отдыха своей тишиной, какой-то патриархальностью.

Ехать решил через юго-западный Люксембург и сразу же в Бельгию. Сперва с километр на юг, чтобы выйти на трассу А4. По высокому мосту через Мозель, и тут же свернул на А31. Самое время сменить машину. Теперь восемь километров на север, и уже Амневиль. Но не доезжая до Амневиля, остановился около «Макдональда» в Мон-деланже.

Свою машину оставил с открытым окном на стоянке. Вернулся на А31 и ждет попутного такси в Тьенвиль. Такси нет, но Генри подхватывает машина, которую ведет пожилая женщина. В Тьенвиле около торгового центра «Режьеналь Жерик» выходит, благодарит женщину-водителя, наклонившись к окну. Та мило улыбается ему и уезжает.

Генри проходит мимо ряда машин, останавливается около «Citroën C4 Picasso» и уезжает на ней. Прости, хозяин, возможно, тебе ее вернут. И все по той же А31 едет двенадцать километров до дороги А13.

Это уже Люксембург. По южной окраине этого государства нужно проехать километров двадцать пять. Важно не спутать дороги, можно вместо Бельгии опять попасть во Францию. Но в машине удачно оказалась подробная автомобильная карта Франции, Германии и соседних стран.

Генри время от времени смотрит на показания GPS, проверяя путь. Пересек границу с Бельгией. Через каждые три – пять километров то слева, то справа мелькают городишки, дорога старательно минует их. Выдержал эту унылую поездку до Намюра и начал искать место, где можно съехать с дороги и найти кафе или ресторан. На пересечении А4 и N80 пришлось покрутиться, чтобы спуститься с трассы. Пять минут мимо аккуратных полей, и машина въезжает в Комонь. Справа пиццерия «Колосseo» – к сожалению, открывается в шесть вечера. Едет дальше, еще через пять минут показался поселок Ведрен. Вокруг чистенькие двухэтажные дома.

Около церкви «Notre-Dame Carmel Vedrin» машина остановилась у пиццерии «Pizzeria Casa mia». На вывеске знак, который Генри видел в Палермо на каждом шагу: три-накроя – головка с тремя ногами (как трехногая свастика). Пиццерия открыта, хотя в ней нет ни одного посетителя.

К Генри сразу же со всем вниманием устремился хозяин. Усаживает за стол у окна, ставит перед ним художественно украшенную пиццу и кружку пива, присаживается рядом. Генри сосредоточенно жует это произведение искусства, вполуха слушая длинное повествование хозяина.

– В нашем поселке дела у всех идут плохо. Работы мало, соответственно и посетителей почти нет. Разве что вечером старики заходят выпить пива. Дочь уехала с мужем в Брюссель. И сын не хочет продолжать семейное дело, уехал куда-то в Германию. А ведь наша пиццерия уже почти семьдесят лет носит гордое название «Pizzeria Famiglia dell’Aquila».

– Послушай, я запутался. «Casa mia» – это вроде «Мой дом», но и не по-итальянски и не по-испански, тем более, не по-французски. Какой-то диалект итальянского? Сицилийский? И знак на вывеске и на двери – сицилийский. А Аквилла – это в Абруццо, я там был однажды.

Провел неделю в городишке, совсем как в картине «Американец». Городок приятный, только такой симпатичной проститутки, как Клара в картине, там не было. Или просто не встретил?

Хозяин пиццерии начинает путанно рассказывать семейные предания о пиццерии. Генри его практически не слушает, поглощает большую вкусную пиццу, запивая отличным бельгийским пивом. Закончив есть, рассчитался и вышел на улицу.

В машине.

Генри рассматривает карту и показания GPS по телефону. Отставляет телефон в сторону, ворчит: «По А4 ближе, но лучше по девяносто третьей обогнуть Брюссель и пригороды».

Отъезжает по дорогам в поселке на N93. Мимо мелькают Нивель, Халле. Не сворачивая на Гент, выходит на А10. У Осткампа сворачивает с А10, пересекает канал или реку, черт их здесь разберет, и в Осткампе по Легевег въезжает в район аккуратных домиков в поисках знакомого по прежним временам кафе «Ла Фиеста». Есть желание просто выпить кофе с несравненными местными булочками у Моники – приветливой фламандки. Две скромные таблицы по бокам широких окон – единственное отличие кафе «Ла Фиеста» от соседних домов, да разве что еще мест для парковки машин чуть больше обычного. Генри уже и не помнит, как попал к Монике в первый раз.

12:30. 14 мая, четверг.

Кафе «Ла Фиеста» на Wielewaalstraat.

Маленький зал, но в нем всего четыре столика, поэтому помещение не кажется тесным. Из посетителей – только в углу сидит пожилой фламандец, читает газету. Рядом с ним чашка кофе и небольшой кусок пирога. Рослая девушка с почти детской улыбкой выходит навстречу Генри:

– Садитесь, месье.

Показывает на стол в другом углу. Она сразу же поняла, что гость не местный и обратилась по-французски:

– Будете кофе, месье? Или обед?

– А где Моника?

– Мама на кухне, я ей помогаю в зале.

Вообще-то, залом назвать это небольшое помещение с четырьмя столами трудно.

– Да, принеси кофе и мамины булочки. Как тебя зовут?

– Жанна, месье.

Через пару минут приносит поднос, на котором, кроме кофе и двух булочек, тарелочка с маслом и сахарница.

– Все, как приносила Моника.

Уже приступил было к кофе – ритуалу, когда хочется насладиться спокойствием и тишиной, тут из кухни выглянула Моника:

– Месье Пьер? Какими судьбами к нам? Надолго?

Когда Генри оказался здесь в первый раз, он был по документам Пьер.

– Вот, заглянул выпить кофе. А у тебя такая помощница выросла! Я ее никогда не видел.

– Да, Жанна окончила художественную среднюю школу в Брюсселе. Не хочет учиться дальше, говорит – надоело. Впрочем, я ее не заставляю. Пусть поработает немного. Может, потом желания учиться добавится, да и не знает она пока, что ей нравится. Раньше хотела заниматься балетом, но вот теперь охладела к нему, заинтересовалась живописью. Вы ее просто не заметили, когда были здесь в последний раз, ей было тогда четырнадцать лет. Это ведь было четыре года тому назад, она приезжала на каникулы. Как быстро время летит. А почему у вас только кофе? Жанна, принеси месье Пьеру бифштекс. С кровью будете или хорошо прожаренный?

- Прожаренный, умеренно.
- Жанна, слышала?
- Да, сейчас.

Моника неожиданно повернулась ко входу, так как в кафе вошли два негра, один из которых большой и спокойный, а другой – значительно ниже и суетливый.

Подошла к ним сама. Начался разговор на фламандском, но говорят негры с ужасным акцентом. Интонации Моника стали резкими, куда делась ее мягкая спокойная речь? Маленький негр что-то втолковывает ей, поглядывая на фламандца в углу.

Моника удалилась на кухню. Маленький негр подошел к старику. Говорит на повышенных тонах, пытается что-то доказать старику, а тот отвечает негромкими короткими фразами. Высокий тоже подходит и молча стоит в стороне.

Генри с недовольным видом встает и направляется к спорящим:

- Не могли бы вы вести себя потише?

Специально говорит на английском языке, так как уверен, что его понимают. Маленький негр возмутился:

- А тебе что здесь нужно? У нас свой разговор, ты не вмешивайся.

- Если вы хотите продолжить разговаривать, идите на улицу.

– Смотри-ка, – маленький обратился к высокому – этот белый пытается указывать нам, как себя вести. Скажи ему пару слов.

Высокий пододвигается чуть ближе и оскаливает зубы. Хочет что-то сказать, но явно не может ничего придумать. Наконец произносит:

- Иди, иди отсюда. Плохо будет. Моника, высовываясь из кухни:

- Месье Пьер, может быть, я вызову полицию?

– Не нужно, Моника, я сам разберусь с ними. Вот что, парни, валите отсюда, пока хозяйка не позвонила в полицию. Иначе я вас выставлю.

Маленький негр рассмеялся:

- Глупые вы, белые. Ты собираешься справиться с моим другом?

- Однако вы мне надоели.

Генри развернулся к могучему негру, уже надвигающемуся с поднятыми кулаками. Воспользовался его движением и аккуратно уложил на пол головой к выходу. Маленький съезился и на глазах стал еще меньше, пытаясь что-то вымолвить.

Генри холодно кинул в его сторону:

– Забирай своего дружка на улицу. А если будете еще беспокоить месье, я именно тебе оторву яйца.

Вернулся к своему столу. Маленький негр послушно принялся помогать приятелю подняться, и они вышли из кафе.

С того момента как Генри прервал свою трапезу, прошло не больше трех минут. Жанна из кухни сразу же принесла бифштекс с яйцом, горкой жареного картофеля и соусом:

- Месье, кофе, наверное, остыл, я заменю вам его на горячий.

Моника появилась следом с бокалом бренди:

- Выпейте, хорошо успокаивает.

- Да я же за рулем, хватит мне пива. Чего они приставали к старику?

– Я не очень поняла их, но последнее время негры появились не только в Брюгге, но и у нас. Все пытаются найти выгодную работу или стащить чего-нибудь.

Пожилой фламандец встал из-за стола и, прихрамывая на левую ногу, подошел к Генри:

– Извините, месье, я услышал ваш вопрос. Во-первых, спасибо вам – они уже не первый раз заседают на меня. Работали у меня половину дня, но я их выгнал, так как они больше

курили и отдыхали, а деньги потребовали за весь день. Деньги я был вынужден отдать, но теперь они требуют, чтобы я им опять предоставил работу.

– Какая наглость! – вмешалась Жанна. – Их и в Брюсселе много, к девушкам постоянно пристают.

Пожилый фламандец не унимался:

– Месье, вы, я вижу, не местный. Надолго к нам приехали? Где остановились?

Генри все это немного надоело, уже приступил было к бифштексу, но отодвинул тарелку в сторону:

– Я пока нигде не остановился. Сниму на пару дней номер в гостинице или комнату у кого-нибудь. Хочу немного отдохнуть в вашем городе.

– Зачем вам искать? Поедьте ко мне. А обедать и ужинать можно будет у мадам Моники. Мне ее кухня очень нравится.

– Мне тоже известна кухня Моники. Но я вас, наверное, стесню?

– Нисколько. У меня много места в доме, я живу один. С вас ничего не возьму и постараюсь не очень досажать своими рассказами о былом. Вы, я вижу, в спецвойсках служили? Где, если не секрет? Я ведь тоже в молодости повоевал в Африке во французском Иностранном легионе. Там и ранили меня в ногу, до сих пор хромаю.

– А что, видно, что я воевал?

– Конечно. Так аккуратно приложить верзилу можно только со сноровкой.

– Да, было кое-что, но я не люблю об этом вспоминать. Моника вмешалась:

– Это хорошая мысль, месье Пьер. У господина Ван дер Берга вам будет спокойно.

Жанна добавила:

– А до Гроте Маркт у нас только три километра. Можно и на машине, и на автобусе доехать, если нужно, но на автобусе удобнее, в центре негде поставить машину.

– Да, прекрасно. Сейчас, только закончу обедать.

Смешно было отказываться, ведь это как раз то что нужно. Оба отправились к господину Вильяму Ван дер Бергу.

Его ухоженный двухэтажный домик мало выделяется среди остальных на улице Egelantierenstraat. Отличие разве что в том, что участок справа выглядит запущенным. Гараж внутри дома на одну машину и стоянка перед домом на две-три машины. За домом угадывается зеленая лужайка, дальше – небольшой лес или, лучше сказать, загущенная рощица. За рощицей проглядывает дорога, не видимая с улицы, а за ней поля. После полей – точно такие же двухэтажные домики, а слева вдали – многоэтажки. Так странно видеть поля внутри города.

– Заводите машину в гараж, все равно будем ездить на моей.

Генри подумал: «Лучше не придумашь. Зачем его машине с французскими номерами светиться лишний раз».

Кругом образцовая чистота. Гостиная совсем не заставлена мебелью. Вильям, заметив, что Генри осматривается:

– Ко мне через день приходит женщина с Украины, убирает дом. А прежнюю мебель я выбросил лет пять назад. Давила она меня. Теперь есть чем дышать.

– Но ведь нужно еще справляться с едой?

– Завтрак готовлю сам, а обедать, пить кофе и ужинать езжу или хожу к Монике.

– Не хлопотно это, ездить три раза в день к Монике?

– Нет, а что мне делать целый день? Я давно на пенсии, вернее, на доходе от моей земли. У меня здесь рядом несколько полей, которые я сдаю в аренду, и большая ферма на юге, которую я тоже сдаю. Живу себе, как рантье. Только рантье все время беднеют из-за дороговизны, а моя земля приносит доход, растущий вместе с инфляцией. Меня все время просят продать

соседнее поле, которое прямо за дорогой, – надеются получить разрешение на строительство сервисного центра. Но я не соглашаюсь.

– Разумное решение.

Вильям набил трубку, предложил и Генри, но тот отказался.

– Вы говорили, что служили в Иностранном легионе. А как оказались владельцем этих участков земли?

– Да, два года служил. В молодости у меня были проблемы, мог попасть в тюрьму, вот и подался в Иностраннный легион. По ранению получил большую страховку. Тетушка уговорила меня в 1960 году купить участок поля рядом со своим и переехать к ней жить. А после смерти тетушки унаследовал и ее участки – здесь и большую ферму на юге.

– А почему вы сейчас один?

– Был женат, но жене надоело жить «в глуши», как она говорила. Убежала с любовником в Брюссель, а потом мы развелись. Давно это было, в 1975 году.

– И почти сорок лет живете один?

– Да, привык уже. Много раз предлагал Монике выйти за меня замуж, переехать ко мне, сдать свое кафе и дом. Но она отшучивается – говорит, что у нее есть друг в Брюгге, зачем ей еще и муж.

– Ну, не права она. Друг – другом, а муж тоже нужен. Одно другому не мешает.

– Я ей тоже так говорил. Вы же понимаете, что я уже стар, не претендую на многое. Ну, проживу еще лет пять-шесть. Она бы унаследовала мой дом и земли. Это я не хочу продавать их, а она могла бы получить за них не меньше двух миллионов евро. Обеспечила бы Жанну.

– Разумно.

Немного помолчали. Затем Вильям притушил трубку и предложил:

– Отдохнем немного. Потом можно будет и поужинать. Пойдемте, покажу вашу комнату. Ушли на второй этаж.

А через два часа отправились в кафе пешком.

У Моника все четыре стола были заняты местными мужчинами довольно почтенного возраста. У всех по кружке пива, в центре каждого стола – тарелка с солеными орешками, и никакой серьезной еды. Нет ни одной дамы.

Вновь пришедшим ставится отдельный столик на улице. Майский теплый вечер. Вильям медленно произнес:

– Здесь даже лучше, чем в помещении, воздуха больше. Генри заметил, что Жанна все время крутится около них, подходит даже после того, как уже поставила ужин и пиво. Чувствуется, что она хочет что-то спросить.

– Что, Жанна, тебя интересует что-то?

– Да, месье Пьер, вы надолго приехали к нам?

– Дня два поживу здесь.

– Если хотите, могу показать вам завтра Брюгге. У нас очень красивые каналы, и можно покататься в открытой карете на лошадях. Мама меня отпустит.

– Жанна, спасибо, но я планировал посидеть спокойно с Вильямом, посмотреть его сад. А Брюгге я уже видел, когда четыре года назад жил здесь почти неделю.

– Жалко.

Упорхнула в дом. Вильям рассмеялся:

– Девушка-то заинтересовалась тобой.

– Да она же еще совсем ребенок!

– Нет, ей уже восемнадцать. А ты в ее глазах после вчерашнего – прямо рыцарь на белом коне.

– Я бы, как и вы, предпочел ее маму. Кроме того, завтра я действительно хотел посидеть у вас дома и отдохнуть.

Оба рассмеялись.

Ужин прошел спокойно, и они отправились домой. Устроились в гостиной за бутылкой вина, заботливо положенной Софи в корзину вместе со снедью. Вильям, закулив опять трубку, начал неторопливый разговор:

– Генри, вы говорили, что уже были в Брюгге и здесь. По делам?

Генри задумался. Его воспоминания о Брюгге не очень приятные.

Май 2011 г. Брюгге. Номер отеля.

Генри сидит у окна, на коленях винтовка. В номере все подготовлено к спешному уходу после акции. Смотрит на выход из отеля «Salvators».

Перед глазами полностью весь перекресток Sint-Salvatorskerkhof и Korte Vuldersstraat. Впереди справа громада кафедрального собора Sint-Salvatorskathedraal, уходящая далеко вправо. Превосходная позиция. Взгляд непрерывно устремлен на отель: люди входят и выходят довольно часто, но того кто нужен все нет.

Ожидание длится уже более двух часов, бывшему снайперу не привыкать сидеть в засаде часами. Работают только глаза, все остальное отдыхает. Так можно просидеть еще пару часов.

Из двери отеля выходит мужчина с ребенком. Генри оживляется, но тут же с досадой кладет винтовку в сторону. Убивать в присутствии ребенка? Исключено. Дело не в том, что есть опасность ранить ребенка – с такого расстояния невозможно промахнуться. Но для ребенка в любом случае это будет травма на всю жизнь.

Собирает винтовку в футляр. Вынимает револьвер и глушитель, сует в кобуру подмышкой. Уходит из комнаты.

– Да, была командировка в Брюгге. Нужно было решить один вопрос с компаньоном моего шефа.

– И успешно?

– Не сразу. Пришлось провести несколько циклов переговоров. Но в конце концов дело было успешно завершено. Тогда я и приехал в Осткамп и попал в кафе к Монике совершенно случайно. А оказалось, булочки здесь несравненные. Да и хозяйка Моника приветлива – в хорошем смысле, не подумайте чего-то. Пробыл в Осткампе пару дней.

Опять перед глазами вечер в Брюгге в мае 2011 года.

Генри не спеша идет по Steenstraat. Впереди метрах в пятнадцати перед ним – мужчина и молодая девушка. В пяти шагах за ними охранники – двое серьезных мужчин средних лет. Генри не скрывается: по улице идет много людей, в основном туристы.

Парочка доходит до площади Гроде Маркт, направляется к открытым экипажам. Мужчина обращается к извозчику. Девушка, не дожидаясь окончания переговоров, устраивается на заднем сиденье. Один из охранников быстро уходит в сторону Breidelstraat – спешит к концу маршрута, второй остается – ему предстоит быстро шагать, почти бежать за экипажем. Генри быстрым шагом уходит через Hallestraat: этот путь чуть короче.

Генри уже на набережной канала, сидит на скамейке. После нескольких минут ожидания появляется один из охранников, занимает место в противоположном углу небольшого садика – почти у колонки, где извозчики поят лошадей. Подъезжает повозка с парочкой. Мужчина обнимает девушку, что-то настойчиво втолковывает ей. Они сходят с экипажа, извозчик начинает поить лошадей, к этому времени прибегает запыхавшийся второй охранник. От канала под-

ходит еще один человек, приглашает в лодку. Извозчик удивлен: обычно пассажиры уезжают назад, ведь оплачены оба конца. Мужчина треплет его по плечу, что-то говорит.

Лодка медленно плывет по каналу, Генри перешел на другой берег, идет следом за ними. Через полсотни метров мужчина в лодке встает, показывает девушке на одно из зданий, мимо которого они проплывают. Тихий, почти неслышный выстрел. Мужчина шатается, падает в воду. Лодочник испуганно пригибается, сильными гребками устремляется к берегу, не пытаясь вытащить мужчину. Оба охранника бегут к приставшей лодке, что-то кричат лодочнику.

Генри уходит неторопливой походкой к своему отелю, уверенный в результате.

В гостиной у Вильяма.

В комнате уже темно, Генри зевает:

– Наверное, пойду уже отдыхать. Сегодня был большой путь.

– Да, завтра тоже будет день.

Уходят на второй этаж.

07.30. 15 мая 2015 г., пятница. Дом Ван дер Берга.

На следующий день перед завтраком Генри немного позанимался обычными упражнениями, а потом вместе с Вильямом осмотрел двор. Генри предложил очистить заросшую дорожку от дома к дороге, идущую через рощу, – все-таки, конечно, это был не лес, а небольшая рощица. Вильям сначала отказывался, однако после завтрака Генри взял топор, ручную пилу, секатор и отправился сражаться с молодыми зарослями. Уже несколько дней как он не тренировался по-серьезному, и дополнительная нагрузка ему сейчас шла на пользу.

Потом обед у Моники, послеобеденный сон, ленивый разговор в креслах во внутреннем дворике. Прекрасный отдых, во время которого Генри старался не думать ни о чем: ни о неудачах в Марселе, ни о предстоящей встрече в Гамбурге, ни о «конторе». Не вспоминал, что собирался погулять по Брюгге, заглянуть в одно кафе – проверить, помнят ли его еще там. Ничего не нужно.

Вечером после ужина, когда Вильям пересказал пару пикантных африканских историй и ушел в свою комнату, перед глазами Генри образовались картинки – отчетливые зарисовки из совсем недавней молодости. Да, вполне уже можно говорить о молодости в прошедшем времени, ведь ему исполнилось тридцать два года.

Много лет тому назад.

Через год после демобилизации, по повестке, переданной по телефону, Иван прибыл в новую для себя часть. Здоровенный сержант-марокканец лет двадцати семи осматривает его:

– Новенький в нашем батальоне? Отслужил только год? Ты что, из льготников? Ничего. Теперь будешь ежегодно хлебать наши будни. Где работаешь?

– В кибуце, строитель.

– Арак пьешь? Нет? Да ты еще совсем салажонок.

Рассмеялся:

– Ничего, послужишь с наше – станешь нормальным человеком. Будешь радоваться тому, что раз в году можно пару недель не ходить на работу и будет дозволено встретиться с друзьями, чтобы выпить по-человечески.

Возможно, так бы оно и было. Но на следующий день Ивана пригласили в палатку командира роты. Там, кроме капитана, почти сразу удалившегося, на стуле сидел штатский. Перед ним тоненькая папочка – личное дело Ивана. Штатский критически оглядел вновь прибывшего:

– Так, Иван Иванович Иванов. Прекрасное имя для настоящего еврея. И рожа подходящая. Не зря тебя мне рекомендовали. Тут в бумагах указано, что ты снайпер. Кто тебя учил?

- В роте.
- Ты всегда так отвечаешь?
- Как спрашиваешь, так и отвечаю.
- Ишь, какие мы задиристые. Ладно. Тебя переводят в новое подразделение. Пройдешь медицинские проверки. Языки-то знаешь?
- Да, русский и немного украинский. Иврит уже почти выучил.
- Насчет иврита я уже вижу. А в школе-то учили английскому или немецкому?
- Вроде да.
- Вроде или да? Английский или немецкий?
- Немецкий. Но у меня по нему двойка была. У нас учительница тоже немецкого не знала. Говорила, что иностранный язык нам не нужен.
- Прекрасно. Значит, языки тебя еще не испортили. Может, чему-нибудь и научим. Все, собирай вещи, поедешь со мной.

09:00. 16 мая 2015 г., суббота. Возле кафе Моника.

Генри прощается с Вильямом и Моникой.

Вильям только сказал:

– Приезжайте, Пьер, еще. Мы вам всегда будем рады.

Моника спросила:

– Вы, Пьер, по-прежнему всегда в разъездах? У вас будет когда-нибудь дом?

Жанна только помахала рукой из двери, не решилась выйти.

Кёльн, Шмалленберг

Суббота – понедельник

09:30. 16 мая 2015 г., суббота.

Машина Генри снова движется по дороге. Мелькают названия городков и поселков.

Билзен. Генри оставляет машину и пересаживается на автобус, идущий в Маастрих, Нидерланды.

Плотно поел в маленьком кафе. Взял на площади очередную машину, снова в пути.

17:00. Кёльн.

Генри заходит в магазин, переодевает рубашку. Выбрасывает старую, мятую.

Заходит в ближайшее кафе «Das kleine Steakhaus» на Хое штрассе. Съедает солидный стейк, запивая добротным немецким пивом. Спрашивает у официанта:

– Где здесь ближайшее казино?

– Рядом, за углом, вход с пешеходной улицы.

В казино.

Скромная вывеска. Генри спускается по пологой металлической лестнице и сразу оказывается в зале игровых автоматов. Симпатичные европейские машины. В зале почти никого нет, большая часть кресел перед автоматами пустует.

Проходит дальше. Несколько небольших комнат со столами: в одной – два стола для блэк-джека, в двух других – рулетки. Есть еще что-то, но стол для баккара отсутствует. Здесь все для туристов, а не для серьезных игроков, но туристы и туристки сейчас ему не интересны.

Генри сел за один из автоматов так, чтобы был виден вход, и неторопливо играет, вставив на съедение автомату двадцатку евро. Выигрыши и проигрыши чередуются, игра копеечная. Туристы входят и выходят.

Женщина лет сорока, вполне прилично одетая, явно не туристка, хаотически передвигается возле автоматов. Наконец села. Генри с надеждой смотрит на нее, приподнимается, чтобы подойти. Но в этот момент возле женщины оказывается уверенный импозантный мужчина, не старше пятидесяти пяти лет. Они начинают о чем-то разговаривать.

По лестнице спускается молодая женщина, идет прямо к автоматам. На взгляд – ничего так, не красавица, но и не крокодил, только худоцева чрезмерно. Лет двадцати пяти, дорогая одежда, но одета очень уж небрежно. Чувствуется, что успела поддаться. Села в кресло через три автомата от Генри, нервно вставила в щель банкноту, увлеченно нажимает кнопки.

Генри встает, фиксирует результат: он выиграл два евро и сорок центов. Кладет квитанцию в карман и с независимым видом проходит мимо женщины. Непроизвольно вдыхает запах ее духов – по выражению его лица чувствуется, что запах приятный. Проходит еще раз и садится в соседнее кресло, как будто не обращая на нее внимания. Снова вставляет двадцатку и начинает тянуть время.

Молодая женщина:

– Черт побери.

– Что, не везет?

– Вам-то какое дело?

Генри пожимает плечами:

– Да нет, просто мне тоже не очень везет.

Через несколько мгновений закрывает счет, берет квитанцию. Встает, чтобы перейти на соседний автомат:

– Может, там повезет!

Молодая женщина молчит. Но краем глаз Генри видит, что она провожает его взглядом. Генри опять вставляет двадцать евро в щель. Через несколько минут встает и уходит в зал рулетки.

Смотрит на табличку правил. Минимальная ставка – два евро, но при ставке на равные шансы, дюжину или колонку – пять евро. Максимальные ставки – пятьдесят евро. Покупает фишки на пятьдесят евро. Он уверен: женщина придет к рулетке. Ей ведь скучно и тоскливо, это заметно по ее виду.

Молодая женщина пришла, села напротив Генри, разменяла на фишки сотню евро. Генри тянет время – ставит изредка, в основном по одной фишке, на два номера или кварт. Периодически выигрывает, число фишек немного увеличивается. Ставит пять евро на левую колонку и выигрывает десяток евро – это забавно. Даже забыл о визави. Но когда посмотрел на ее место, обнаружил, что она встала и уходит. Неприятно, но он ждет.

Женщина покрутилась по комнате, вышла и через несколько минут вернулась. Видно, что приняла еще коктейль. Проходит мимо Генри, не глядя на него.

– Что, опять не везет?

– Да, сегодня не мой день. Как и вчера. А у вас все нормально, я гляжу.

– Ну, если учесть, что просто хотелось убить время, то нормально. Выиграл целых двадцать евро.

– А я проиграла две сотни, все, что было.

– Но ведь есть кредитка, здесь принимают почти все виды.

– Папаша убавил лимит, практически закрыл. Я, видите ли, не умею обращаться с деньгами.

Нужно срочно что-то похвалить, чтобы у нее осталось приятное впечатление от разговора:

– Но сумка у вас великолепная. От Дольче и Габбано?

– Нет, это Сальваторе Феррагамо. А вы разбираетесь в модных аксессуарах?

– Нет, совсем нет. Просто одна моя родственница все уши мне прожужжала в прошлом году о том, что ей обязательно нужна сумка от Дольче и Габбано, вот у меня в памяти и осталось.

– Родственница?

– Ну, назовем ее так. Но мы с ней уже несколько месяцев не виделись.

– Сумку мне подарил папаша на рождество. Подлизывается.

– Что так сурово об отце?

– А он иного и не заслуживает. Бросил маму и меня в глуши, сам гуляет во Франкфурте с манекенщицами.

– Он рантье?

– Нет, один из директоров банка. Говорит, что вынужден жить во Франкфурте.

– Но Кёльн отнюдь не глушь.

– Кёльн да, но мы-то с мамой живем в Шмалленберге. Это семьдесят километров от Кёльна и более ста от Франкфурта. Однако хватит о моем папаше. Пойдемте лучше выпьем по коктейлю.

– Может быть, вам достаточно? Кажется, вы уже немного выпили. Вряд ли это понравится полиции, если вас остановят.

– Вы что, мой папаша? Какое вам дело до меня, до полиции?

– Нет, на роль папаша не претендую. Пойдемте, я угощаю.

18:30. Бар.

Они приняли по коктейлю, и это уже перебор для спутницы Генри – она вынуждена опереться на его локоть. Чувствуется, что ей не хочется расставаться.

– Что-то я себя неважно чувствую. Проводите меня до такси.

– Вы без машины?

– Нет, но вы правы, мне сейчас нельзя садиться за руль. Голова немного кружится.

Выходят на улицу. По пути Генри обменял фишки и квитанции с автоматов.

На улице женщина внезапно остановилась:

– Ой, у меня ведь не осталось денег. Нет, не думайте, я вас не прошу о деньгах. Не могли бы вы отвезти меня домой? На моей машине. Она у меня тут, рядом. А дома я вызову вам такси и оплачу его.

Генри улыбнувшись промолчал.

Подземная автостоянка.

Ее машина оказалась на той же подземной стоянке, что и машина Генри, сиротливо стоящая в углу. У спутницы Генри новенький двухдверный ярко-красный с малиновым оттенком «Порше Кайман GTS». Генри обошел машину со всех сторон:

– Прекрасная вещь для любителей быстрой езды. Движок в триста сорок лошадей, скорость до двухсот восьмидесяти. Но это не для пьющих молодых девушек – на такой скорости ты разобьешься сама и машину покалечишь. Жалко хорошую машину.

Забрал у спутницы ключи, и автомобиль отозвался миганием лампочек. Поставил в GPS этот Шмалленберг, оплатил на выходе стоянку, и машина вырвалась на свободу.

Мимо мелькают города: Гуммерсбах, Ольпе. Поднимаются все выше. Рядом речонка Ленне, Леннештадт и, наконец, въезжают в Шмалленберг.

20:00. В машине.

Спутницу развезло: спит всю дорогу, положив голову на плечо Генри. Приходится терпеть. Начал ее будить:

– Проснись, вот твой Шмалленберг. Куда здесь ехать?

– Туда, прямо.

– Куда прямо?

Неопределенно показывает налево. Генри смотрит вокруг. Никакого поворота налево здесь нет. Едет дальше.

Машина в центре города. Генри трясет спутницу:

– Так куда ехать?

Та открывает глаза. Почти осмысленно показывает влево и снова отключается. Машина продолжает неуверенное движение. Наконец оказывается перед двухэтажным старинным домом на склоне холма, на самом краю этого тихого городка.

20:20. Дом в Шмалленберге.

Дом в стиле фахверк. Цокольный этаж – низкий полуподвал, ушел в землю, наверное, с тех пор, как построили дом. Но оба верхних этажа выглядят новенькими – даже не верится, что им, возможно, по три сотни лет.

Машину встречает очень худая женщина лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Генри выводит свою спутницу и передает в руки женщины. Женщина извиняющимся голосом:

– Я видела, как вы плутаете. Меня зовут Эльза Вилленберг. Я – мать Марты. Спасибо, что привезли ее. Вы ее знакомый? Что-то я вас не помню.

– Я – Генри Полонски, мы познакомились с Мартой полтора часа назад в Кёльне. Она попросила меня отвезти ее домой.

– Еще раз спасибо, господин Полонски. Вы можете отвести ее наверх?

– Конечно.

Забирает Марту, ведет ее по дорожке вокруг дома к входу, а потом почти тащит по лестницам на второй этаж. Госпожа Вилленберг открывает комнату, укладывает Марту, как она есть, на постель, снимает с нее только туфли.

– Думаю, что вам лучше остаться на ночь у нас. Сейчас поздно, такси можно заказать из Кёльна, но это будет не скоро. Я вам дам халат. Хотите принять душ?

– Спасибо за приглашение. Я тоже полагаю, что мне не стоит сегодня возвращаться в отель.

После душа, переодевшись в халат, устроился в любезно предоставленной комнате на первом этаже. Сидит в мягком кресле, удобном для раздумий. Хотя думать практически не о чем. Ясно, что завтрашний день можно провести здесь, а потом попросить Марту (дурацкое имя, совсем ей не подходящее) отвезти его во Франкфурт или в Кассель. А там видно будет, в Гамбурге нужно быть в среду.

Непонятно почему, мысли перекинулись почти на шесть лет назад. Это было в Германии, недалеко от Мюнхена. Первое задание в «конторе».

2009 г. Дом недалеко от Мюнхена.

Генри сидит за рулем, следит за выездом из дома. Из ворот усадьбы выезжает машина. Генри засекает на часах время. Машина Генри следует за выехавшей на расстоянии полусотни метров. Доезжают до поворота. Преследуемая машина пунктуально тормозит, после поворота увеличивает скорость. Генри мысленно отмечает: «Все, как вчера и раньше». Отстает от объекта.

На следующий день Генри ждет недалеко от поворота, смотрит на часы. Выезжает к повороту, из-за которого навстречу медленно выползает та же знакомая машина. Через открытое стекло Генри стреляет в водителя. Уезжает не оборачиваясь. Преследуемая машина съехала в кювет.

Когда он был на службе, все было очевидно, хотя временами и очень трудно: есть враг, которого нужно захватить или уничтожить. А здесь наоборот – легко в исполнении, но объект – человек, о деятельности которого мало что известно, и его нужно вычеркнуть из жизни. Вероятно, он сделал что-то плохое, иначе, с чего бы его «заказали»? Но это слабо утешает. Он был не защищен, не вооружен – теперь застрелен и лежит в кювете. Трудно забыть его лицо, вернее, фотографию. Кстати, за это задание заплатили всего пять тысяч евро. Задача простая, поэтому ее доверили новичку: по существу, проверяли, годится ли он для такой работы. Никогда больше не платили так мало.

Позднее все стало проще. Это работа – почти такая же, как у других, может быть, немного опаснее, ведь не все «клиенты» безоружны и беззащитны. Кто-то должен ее выполнять – возможно тот, кто больше ничего другого не умеет делать.

7:00. 17 мая 2015 г., воскресенье.

Дом госпожи Вилленберг.

Генри поднялся рано утром. Сделал зарядку, пробежку по долине вдоль ручья. Вернулся как раз к завтраку.

Столовая в доме госпожи Вилленберг.

Госпожа Вилленберг, Марта и Генри пьют кофе. Марта рассматривает Генри, наморщив лоб.

– У вас сказочные окрестности, Марта. Даже не хочется уезжать вот так, сразу. Пейзажи вокруг, как на лубочных картинках о доброй старой Германии.

– Сказочные, если видишь их в первый раз. А если каждое утро и вечер перед тобой одна и та же долина, можно эти окрестности возненавидеть.

Госпожа Вилленберг возражает:

– Марта, ты преувеличиваешь. Как будто ты сидишь неделями дома. Ты почти все время в отъезде, возвращаешься только тогда, когда заканчиваются деньги.

– Мама, мне двадцать пять лет. Я не могу всю жизнь прозябать в нашей дыре.

– Кто тебе мешает? Живи в Кёльне, Франкфурте, да хоть в Париже. Отец дает тебе ежемесячно достаточно денег. Просто ты успеваешь их тратить за полторы недели. Научись жить нормально, займись любым делом, тогда тебе будет не так тоскливо. В конце концов, выйди замуж, и жизнь наполнится новым содержанием.

– Да? Замуж? Ты довольна своей жизнью, баронесса Вилленберг? Сначала возилась со мной, потом терпела постоянные измены папаши, а после того как он ушел от нас, заперлась в этой глуши.

Генри решил спасти ситуацию:

– Дамы, я извиняюсь, но мне кажется, что кофе может остыть, если мы столь долго не будем уделять ему внимание.

– Простите, господин Полонски, это наши с Мартой привычные пикировки. Если вы не прочь остаться здесь на некоторое время, думаю, что Марта покажет вам наши немногочисленные достопримечательности.

– Именно, что немногочисленные. Но я покажу – я у вас в долгу. Мама говорила, что вас зовут Генри. Можно я вас буду так называть? Господин Полонски звучит как-то слишком официально.

– Разумеется, и я буду рад осмотреть с вами окрестности. Я пробежался сегодня вдоль ручья, но это только низина, а у вас очень симпатичные холмы.

Генри продолжает разговор с баронессой Вилленберг за чашкой кофе.

9:00. В машине Марты.

Марта и Генри объезжают Шмалленберг. Марта показывает на дома в стиле фахверк:

– Здесь все рассчитано на зимних туристов. Зимой городок оживает, население возрастает в два раза. В каждом втором доме микроотель или хотя бы сдаваемые лыжникам квартиры.

Генри попеременно смотрит то на очередное здание, то на экскурсовода. Марта замечает эти взгляды и все более оживляется. Наконец не выдерживает:

– Давай заедем тут в одно место, выпьем по коктейлю.

– Только, если ты потом отдашь мне руль.

– Мне один коктейль не повредит.

– Охотно верю, но машине может повредить. А она у тебя очень симпатичная, почти как хозяйка.

Марта быстро взглянула на Генри, но грубую лесть проглотила молча.

В кафе «Blanke & Richert» Марта выпивает коктейль, Генри берет кружку пива и демонстративно забирает ключи от машины, которые она нерешительно вертит в руке.

10:30. Оба в машине, за рулем Генри.

Проезжают мимо городской гимназии, мимо нового стадиона, городской кирхи и остатков городских стен. Остановились за городом у развилки дорог: на север – к Бремену, на юго-восток – к Франкфурту. Марта вопросительно глядит на Генри:

– Уедем куда-нибудь? Куда угодно. Хоть на несколько дней. У тебя деньги есть?

– Марта, так нельзя. Нужно хотя бы предупредить твою маму, попрощаться. Ты, может быть, привыкла так исчезать, но мне это кажется неприличным. Деньги имеются, но мне в среду нужно быть в Гамбурге.

– Поедем в Гамбург через Бремен. Там прекрасное казино. Я там один раз выиграла.

– Хорошо, можем поехать, но только завтра утром. Ты же не поедешь с одним комплектом одежды?

– Тебе нужно еще заехать в Кёльн, в отель?

– Нет, в Кёльн я заеду после Гамбурга. Тогда и заберу вещи и машину. Чемодан у меня в машине, а номер я не успел взять.

– Не обманываешь? Завтра уедем?

Генри делает обиженное лицо:

– Я похож на обманщика?

– Сложно сказать, я тебя совсем не знаю.

– И готова уехать с совсем незнакомым мужчиной?

– Да хоть как, лишь бы вырваться из этой серой паутины. Здесь только зимой можно жить, когда приезжают лыжники.

Перспектива отправиться дальше на этой прекрасной машине, в сопровождении женщины с нормальными документами, – это именно то, чего так не хватает Генри. А потом с Мартой и ее машиной можно будет учтиво распрощаться.

9:45. 18 мая 2015 г., понедельник. Гостиная у баронессы.

Генри интересуется: – Ты готова, Марта?

– Не совсем. Я еще не собралась.

В гостиную входит баронесса:

– Куда собираешься, Марта?

– В Гамбург, мама. С Генри. Мы ненадолго, на несколько дней. Я буду тебе звонить.

– Ты только добралась домой. И удобно ли это? Подумай. Вы с господином Полонски едва знакомы.

Генри уходит в свою комнату, сзади доносятся отголоски вялой перебранки женщин.

Через полчаса Марта бродит между спальней и гостиной, медленно наполняя чемодан.

Генри выходит из комнаты:

– Марта, ты в Австралию собираешься? Куда столько набила в чемодан, если мы едем на несколько дней?

– Я же не знаю, где мы будем, что нужно будет надевать. У меня нет денег, чтобы в дороге что-то покупать.

– На все случаи жизни не напасешься. Нужно будет что-то – купим.

Баронесса входит в комнату:

– Господин Полонски, проследите, пожалуйста, чтобы Марта не наделала глупостей.

– Трудно остановить женщину, если ей нравятся экстравагантные выходки. Но я с ней буду строг, не сомневайтесь, баронесса.

– Мама, мне уже двадцать пять. Пора тебе привыкнуть, что я не маленькая.

13:00. Машина выезжает, провозжаемая баронессой.

Генри за пять секунд набрал скорость в сто километров, улыбается от удовольствия.

После выхода на автобан:

– Молодец твой предок. Такую машину подарил. Зверь. Врубить бы сейчас на автобане километров двести – двести сорок в час. Но не хочется знакомиться с дорожной полицией. А спортивные кресла с тугой набивкой и высокими валиками – просто улет.

Марта пропустила мимо ушей похвалу машине. Оживленно показывает Генри виды слева и справа, рассказывает о местах, которые они проезжают.

Генри практически ее не слушает. Размышляет про себя о потенциальных проблемах с Мартой.

Она привыкла делать только то, что ей хочется, управлять ею трудно. Вопрос о послушании необходимо решить изначально. Странствования приучили Генри, что спутница должна подчиняться мужчине не на уровне здравых рассуждений, а «нутром». Ее следует сразу ставить на место. Иначе от нее можно ждать всяких неожиданностей, а при его «профессии» неожиданности совсем даже не нужны. Если женщина не слушается, от нее нужно определенно избавляться. Нет, речь не идет о крайних мерах, просто нужно решительно, без сантиментов расстаться.

14:00. Эльзен, пригород Падеборна.

Около ресторана «Elsener Brau & Burgerhaus» на Боленвег Генри и Марта выходят из машины.

Генри передает Марте семьсот евро:

– Расплачиваться везде будешь ты.

Марта с изумлением смотрит на него:

– Генри, ты не боишься, что я буду расходовать деньги не рационально. Папаша мне много раз говорил, что я трачу деньги бестолково.

– Нет, не боюсь. Но если будешь тратить бестолково или не будешь слушаться, будешь наказана.

Вспыхнула от негодования:

– Как?

– Больно или очень больно.

Марта хотела еще что-то сказать и запнулась.

В ресторане Генри велел Марте:

– Заказывай обед. Я посмотрю дорогу.

Необходимости в этом нет, маршрут продуман еще утром, и GPS всегда наготове. Но нужно дать Марте возможность самой заниматься заказом, чтобы она переварила в себе сценку, сыгранную при выходе из машины.

И снова они в дороге. А дороги здесь отличные – чуть больше чем через час, проехали окраины Петерсхагена, еще через полчаса миновали Нимбург и минут сорок ехали до Бремена. В Бремене были уже к пяти часам вечера.

Бремен

Понедельник – среда

17:00. 18 мая 2015 г., понедельник.

Отель «Motel one» на улице Шлахте.

Генри и Марта выходят из машины. Марта оглядела отель, недовольно повела носом:

– Почему ты его выбрал?

– Я выбрал его еще в Шмалленберге. Посчитал, что он удобен. Отзывы не очень хорошие, но имеется платная крытая парковка для машин, Wi-Fi, по утрам завтрак – «шведский стол», цены на двухместные номера с двумя кроватями не высокие, менее ста евро. Иди, оформи стоянку машины и номер. Закажи номер на двоих с двумя кроватями.

Марта вспыхнула:

– Я с тобой спать не собираюсь!

– А я и не спрашивал об этом.

С независимым видом Марта отправилась заказывать.

Номер в отеле простенький: маленькая гостиная, спальня с двумя тесно стоящими кроватями, совмещенные душ и туалет.

Генри поставил чемодан Марты в шкаф, оглядел все помещение, пока Марта в спальне и туалете приводила себя в порядок и переодевалась. Не задерживаясь лишнего, вышли из номера.

Не спеша идут по улице Шлахте. Генри показывает Марте здание слева:

– Это казино «Spielbank Bremen».

– Я знаю. Я тебе говорила, как однажды выиграла здесь двести евро. Правда, на следующий день проиграла все, что у меня было.

У ресторана «Luv».

Ресторан расположен все на той же улице, в десяти шагах от казино. Генри предлагает:

– Ужинать рано, но ведь мы собираемся в казино. Поедим и сходим туда – поиграем. Потом прогуляемся или пойдем в ночной ресторан.

Марта молчит, но по ее лицу видно, что это ее устраивает.

18:00. Зал ресторана.

За отдельным столиком сидят Генри и Марта. Перед Генри свиные отбивные под лимонно-соевым соусом. У Марты курица с ананасом в кисло-сладком соусе. Генри взял себе темный кельш, уже пил его в Кёльне, а Марта выбрала радлер – пиво с лимонадом. Генри спокойно расправляется с отбивными, Марта почти ничего не ест – поковырялась в курице, кусочки ананаса, правда, съела. На десерт выбрали совместно яблочную шарлотку, но к пиву она была неуместна, а кофе ни Генри, ни Марта не захотели.

Марта рассказывает Генри, как она приезжала в Бремен, как выиграла в казино. Тот молчит, временами кивая. Музыка тихая, спокойная, не заглушает слова.

Генри рассчитывается с официантом. Потом очень серьезно говорит Марте:

– Мне не мешает немного выиграть. Так что не подходи ко мне, не отвлекай. Если захочешь посмотреть, как я играю, стой в стороне, чтобы я тебя не видел.

19:00. «Spielbank Bremen».

Билеты на входе оплачивает Марта, но документы пришлось показать службе безопасности обоим. Генри показывает паспорт, который использовал в первой гостинице в Марселе. Кейс забрали на хранение в сейф, но Генри предварительно вытащил из него две тысячи евро.

Генри говорит Марте:

– Поиграй на автоматах, но не проигрывай больше полусотни. И помни, что я тебе сказал.

Обходит залы. Казино достаточно стандартное: обычные автоматы, только их много – больше сотни, столов рулетки всего три, и один стол для блэк-джека.

В зале рулеток Генри осматривает столы и читает выставленные правила. Правила на столах немного отличаются: минимальными и максимальными ставками. Выбрал стол, на котором минимальная ставка на варианты с большими выигрышами равна пяти евро, а на равные ставки, на дюжину и на колонну – двадцати пяти евро.

Максимальная ставка везде ограничена полусотней евро. На двух других столах ставки существенно ниже, но там и желающих играть больше. А здесь, кроме Генри, сидит только один рыжий шотландец или ирландец – непонятно кто. Прежде чем купить фишки, минут пять Генри наблюдает за игрой шотландца: слишком импульсивный, сидит как можно ближе к крупье, все время глядит на вращающийся шарик, даже привстает, чтобы лучше видеть – как будто хочет загипнотизировать или убедиться, что его не надувают.

Генри купил у крупье фишки на две сотни. Поставил пять евро на два центральных ряда, и дополнительно на каре в левой части этих рядов. Выпало двадцать один – получил двадцать евро. Поставил десять на правый верхний корнер – проиграл. Начал баловаться малыми ставками, попеременно проигрывая и выигрывая, без существенных результатов.

Неожиданно поставил двадцать пять на левую колонну. Шарик остановился на шестнадцати. Выигрыш пятьдесят евро. Снова поставил 25 на каре в левой части средних рядов. Опять шестнадцать – выигрыш двести евро. Пропускает одну игру, чтобы успокоиться.

Шотландец понял наконец, что сегодня не его день, сгреб оставшиеся фишки и встал из-за стола. Генри нервно бросает взгляд на пустые места.

Через кресло от Генри садится полноватая дама в дорогом наряде, непрерывно вытирающая платком пот со лба. Щурится – наверное, стесняется надеть очки. Купила фишки на пятьдесят евро и поставила пять евро на черное.

Крупье останавливает игру – не принял ставку. Объясняет на английском, на немецком, но дама все равно не понимает. Генри обращается к ней на русском:

– Извините, но за этим столом на черное нужно ставить не меньше двадцати пяти евро.

– Ой, вы говорите по-русски? Я первый раз в казино. Почему двадцать пять? Я видела, за соседним столом ставят на черное даже два евро.

Генри, обращаясь к крупье:

– Извините, сейчас все объясню даме.

Даме:

– Это разные столы. Перейдите за соседний стол.

– Но там нет свободного места.

– Здесь более крупная игра. На черное нужно ставить двадцать пять евро.

– Извините.

Добавила фишки. Генри пропустил ставку, наблюдая за игрой дамы. Крупье облегченно вздохнул, пустил шарик по кругу и произнес свое обычное: «Ставки сделаны, ставок больше нет». Шарик остановился, крупье объявил: «Двенадцать, черное», и пододвинул к даме ее ставку с дополнительными фишками на двадцать пять евро.

– Я выиграла? Это так просто. Я видела в кино, как выигрывают двенадцать раз подряд на черное.

Генри тихо сказал ей:

– Извините, здесь не положено разговаривать, тем более громко.

Дама поставила на черное пятьдесят евро. Генри поставил двадцать пять на красное и пять на правый верхний корнер.

Крупье объявляет:

– Пятнадцать, красное.

Сгрел ставку дамы и передвинул к Генри вместе с его двадцатью пятью. Пятерку Генри подвинул к себе.

Дама недоуменно подняла на Генри глаза, как будто просила о помощи, но промолчала. Вытащила из сумки солидную пачку денег, протянула крупье пятисотенную бумажку и сказала по-русски:

– На все.

Генри перевел недоумевающему крупье:

– Она хочет обменять все пятьсот.

И практически перестал играть, так как дама вытворяла на столе что-то непонятное. Только временами ставил минимальные ставки.

Дама ставит беспорядочно, чувствуется, что ничего не понимает в игре. Например, поставила десять на левый нижний корнер и десять на пятый ряд. Одновременно поставила двадцать пять на zero. Естественно, проиграла все. Дама проиграла уже триста евро, когда ее ставка на число двадцать три выиграла. Она никак не может понять, почему крупье пододвигает к ней все новые и новые столбцы фишек. Не выдержала и спрашивает Генри:

– Сколько я выиграла?

– Восемьсот семьдесят пять евро. Я советую вам завершить игру, забрать фишки и обменять их на выходе.

– Почему? Я хочу играть.

– Вы же все проиграете.

– Какое это имеет значение? Не для того я вкалывала целый год как проклятая, чтобы прекратить играть, когда мне хочется.

Генри промолчал – у дамы есть деньги, она хочет играть, плевать ей на возможный проигрыш. Но Генри из-за нее потерял темп, теперь трудно сконцентрироваться, так как вокруг столпился народ: глазают, как непонятная иностранка непрерывно ставит пятидесятиевровые ставки. А тут еще и Марта подошла:

– Когда мы уйдем?

– Дорогая, что я тебе сказал?

– А что?

– Я сказал не подходить ко мне, не мешать. Разве в этом есть что-то непонятное?

Встал, посчитал фишки. Дополнительных фишек на триста пятьдесят евро – ерунда, сморщился. Не обращая внимания на Марту, перешел в комнату, где одиноко стоит стол для блэк-джека.

20:00. Стол для блэк-джека.

У стола сидят двое американцев – этих ни с кем не спутаешь. Нет, они не орут, не пытаются положить ноги на стол, но выражение этих лиц, короткие сленговые слова, которыми они периодически обмениваются, несмотря на запрет разговоров во время игры, принадлежат непременно американцам.

Игра идет быстро, так как против дилера сейчас в ней участвуют только два игрока. Победы и поражения сменяются скорее, чем в рулетке.

Генри купил фишек на триста евро. Пропустил две раздачи и заказал себе, поставив двадцать пять евро. Крупье сдал ему валета и восьмерку. На карты других игроков – они тоже выложены на обозрение – Генри бросил только короткий взгляд, чтобы убедиться, что у них нет сплита. Каждый играет против дилера за себя. У того восьмерка. Надежда слабая, но име-

ется. Дилер берет и открывает вторую карту – девятка. Пододвигает к Генри его ставку и дает еще фишку на двадцать пять евро. Начало сделано. Оба американца проиграли.

Генри продолжает игру: ему «везет», и он ставит более серьезные ставки – благо, здесь максимум достаточно высок. Выиграл уже чуть больше шестисот евро. Дилер начинает нервничать, так как американцы теперь больше следят за игрой Генри, чем за своими небольшими ставками. Других зрителей нет.

После того как у Генри на ставке в сто евро выпал туз с дамой (блэк-джек), а у дилера девятка – получает выигранные сто пятьдесят евро, прекращает игру и направляется к стойке бара.

20:40. У стойки стоит Марта, в руке у нее почти пустой бокал хайболл с коктейлем «Джон Коллинз».

– Марта, который у тебя коктейль?

– Второй, Генри. Не сердись, мне было так скучно. Ты бросил меня, не разрешаешь подходить. А здесь даже не с кем поговорить. И я проиграла только пятьдесят евро, как ты сказал.

– На ногах твердо стоишь?

– Конечно, я ведь только два коктейля выпила.

– Тогда пойдем, посмотрим вечерний Бремен.

На выходе обменял все фишки: от игры в блэк-джек и рулетки. Марта с изумлением смотрит на пачку купюр, переданных ему кассиром:

– Генри, ты профессионал?

– Отнюдь, просто ты мне не очень мешала сегодня.

Проверил кейс, который ему вернули на выходе, вроде все нормально, можно уходить.

Генри и Марта гуляют без особого плана, «куда глаза глядят». Прошли по зеленой Шлахте до Уленштайн, выбрались на Мартини штрассе – здесь это главная улица, и по кривой улочке добрались до Рыночной площади.

В первую очередь глаз останавливается на Роланде – этом огромном символе города. Десятиметровая скульптура начала XV века впечатляет, без внимания мимо нее никак нельзя пройти. Роланд не кажется маленьким даже в сравнении с двуглавым фасадом собора святого Петра, на который он смотрит вот уже шестьсот лет. Виден только фасад собора, сам он спрятался за зданием Бременского парламента. Парламент весь сияет стеклом и совершенно не вписывается в общую картинку. От него хочется отвернуться в сторону массивной двух-трехэтажной ратуши, самодовольно смотрящей на своих худосочных, тянущихся вверх соседей. Вот она, Германия XV–XVII веков, чистенькая, полностью отреставрированная.

Марта начинает вдохновенно рассказывать легенду о Роланде, о том, что Бремен останется независимым, пока его будет охранять Роланд. Подошла к статуе и потеряла колено. Для этого ей пришлось перегнуться через ограждающую решетку. Колени Роланда очень темные: тысячи людей терли их много лет.

– Что это ты?

– Я хочу еще раз побывать в Бремене, для этого и потеряла колено, так положено.

Проходят еще с десяток метров и натываются на четырехзвенную фигуру.

Марта оживленно:

– Смотри, Генри, Бременские музыканты.

Действительно, на осле стоит барбос, на нем кот, и на самом верху кричит вытянув шею свое «ку-ка-ре-ку» петух.

У Марты поднялось настроение, улыбается, глядя попеременно то на Генри, то на скульптуру:

– Генри, пойдем в гостиницу.

– Что это ты улыбаешься? С кем из них меня сравниваешь? Впрочем, понятно, о чем ты сейчас думаешь.

22:00. Номер в отеле.

Только вошли в номер, Генри обнял Марту, молча повел к кровати и довольно грубо взял. Довольно грубо, это еще мягко сказано. Но Марта даже не пытается сопротивляться, хотя бы символически – наверное, у нее были раньше совсем другие приятели, другие отношения.

9:00. 19 мая 2015 г., вторник.

Шведский стол в отеле.

Поздно, уже все позавтракали. Генри и Марта только спустились в зал. Кушанья разнообразные, но еда не очень вкусная, довольно пресная. Марта морщится:

– До обеда много времени. Давай прокатимся по Везеру.

У нее прекрасное настроение, почти пританцовывает.

Пристань на Везере.

Генри изучает расписание. Марта предлагает:

– Поедем до Бремерхафена.

– Нет, туда три часа, да обратно три – не успеем до обеда.

Выбрал короткую часовую прогулку по Везеру в пределах города. Купил газеты, посмотреть криминальную хронику вечером на досуге.

Прокатились вверх по течению до Хабенхаузена, потом вниз до Фегезака и вернулись на набережную около казино.

Прошли несколько улиц и попали в «Ллойд Пассаж».

13:30. «Ллойд Пассаж».

Пассаж оказался крытой улицей. Сквозь ажурную крышу льет мощный поток света. Глаза разбегаются от обилия магазинов, лавок, кафе.

Марта уверенно входит в магазин одежды и обуви. Буквально через несколько минут останавливается около пары итальянских туфель и не идет дальше.

– Что, нравятся? Покупай.

Марта нерешительно:

– Посмотри на ценник.

– Вполне разумная цена – триста пятьдесят евро. В чем проблема?

– Ты не будешь сердиться? Мне они нравятся, подойдут к моему брючному костюму.

– Деньги у тебя, тебе хватит?

– Можно?

Удивительно, как светлеет лицо женщины, когда она получает желанную обновку. Она уже представляет себя в ней.

15:30. Ресторан «Liv».

Генри и Марта обедают поздно. Генри сам выбирает блюда обоим:

– Не стоит чрезмерно наедаться перед вечерним посещением казино. Да и уйдем оттуда пораньше. Ведь на следующее утро нужно выезжать в Гамбург.

Кроме пива с солеными крендельками, заказал айнтопф (суп в горшочке) и жареных цыплят с яблоками. Салат официант принес помимо заказа. На десерт – клубника со сливками. Марта только попробовала айнтопф:

– Он мне надоел у мамы.

Но часть цыпленка съела, вместе со всеми яблоками. Десерт обоим понравился, кофе опять брать не стали.

17:00. Казино.

Казино только начинает наполняться посетителями. Генри не хочет сидеть за рулеткой в одиночестве, оба бродят около автоматов. Марта принялась проигрывать двадцать евро, а Генри принципиально не стал за этим наблюдать и ушел в зал рулетки.

На рулетке игра не задалась. Генри проиграл семьдесят евро и пошел искать Марту.

Нашел у стойки бара, совершенно трезвую – она беседовала с женщиной примерно ее же возраста. Увидев Генри, они внезапно замолкли. Марта представила Элен и Генри друг другу. Элен – чуть полноватая брюнетка с сильным швабским акцентом, немного выше Марты.

– Мы с Мартой вместе учились во Франкфуртском университете прикладных наук. Окончили его, получив степень бакалавра искусств по специализации бизнес-администрирование. Работаю сейчас в фирме, связанной с нефтепереработкой.

– А я так и не решилась начать работать по специальности.

Генри угостил дам коктейлем, выслушал несколько историй из университетской жизни и покинул их, сославшись на то, что не хочет мешать им вспоминать славные студенческие годы.

18:30. Комната со столом для блэк-джека.

За столом совсем даже не пусто. Пришлось подождать, пока один из игроков встал со стула, сетуя, что проиграл больше, чем намеревался. Генри занял это место, конечно, не очень довольный такой предысторией.

Обменял пять сотен евро на фишки. Две раздачи приглядывается к дилеру, так как он сменился. Выложил полсотни евро и сразу же проиграл: у дилера было восемнадцать, а у Генри только пятнадцать. Какие карты у других, не смотрит, это его не касается – каждый ведет игру против дилера самостоятельно. У Генри игра идет провально, и долго не везет.

Он уже проиграл триста евро, когда при ставке пятьдесят евро ему пришел блэк-джек: туз и валет. Но у дилера открыт туз. Генри задумался: можно взять выигрыш – полсотни евро, а можно рискнуть и посмотреть, что откроет крупье во второй карте. Был и вариант со страховкой, но его он обычно даже не рассматривает. Решил рискнуть и оказался прав: дилеру пришла девятка. Генри забрал семьдесят пять евро выигрыша.

Соль не в том, что он взял лишние двадцать пять евро, хотя мог остаться при своих. Главное, что он «сломал карту». И дальше ему, действительно, начало везти. Вернее, не везло дилеру – вместе с Генри стали выигрывать и другие игроки. То у дилера перебор, то он вынужден остановиться, так как у него уже семнадцать очков, когда у Генри девятнадцать...

За полчаса Генри отыграл свой выигрыш, осмелел, перешел на ставки по сто евро. У него на руках было уже чуть более полутора тысяч евро, включая исходные пятьсот. Поставил на кон тысячу евро, и повезло – две дамы. У крупье только туз и восьмерка. Хотел продолжить игру, ведь до максимальной ставки далеко, но неожиданно почувствовал на плече руку Марты. Шепчет ему:

– Пора домой, мне все здесь надоело, да и ты выиграл достаточно.

Дилер приостановил игру. Генри встал, забрал фишки и вывел Марту из комнаты. Не спрашивая, куда делась Элен:

– Я что, зря тебя предупреждаю?

Обменял фишки и злой молча идет с ней в отель. Марта пытается как-то оправдаться, но Генри не реагирует.

20:00. Номер в отеле.

Прикрыв дверь, Генри велит:

– Ложись.

– Ты что, Генри? Рано еще, разве мы никуда не пойдём?

– Ложись.

Марта разозлившись, скинула туфли и брюки, через голову стянула кофточку, легла на свою кровать.

– На живот.

Зверем глянула на Генри, но перевернулась. Генри спокойно вытащил из брюк ремень и два раза хлестнул по худеньким ягодицам, прикрытым только кружевными трусиками. Жалко ее, бьет не сильно.

– Ой! Больно же! Ты что, озверел? За что?

– Говорил тебе: не суйся ко мне, когда играю?

– Ну, говорил.

– Предупреждал, что будет больно, если не будешь слушаться?

– Да, говорил, говорил. Но ведь это...

Вскочила, натянула брюки и кофточку, но не надела туфли:

– Я ухожу. Ненавижу тебя!

– Уходи.

Бросил ей ключи от машины:

– За гостиницу я расплачусь. Денег доехать к маме или папаше у тебя хватит.

Марта постояла босиком, уронила ключи, кинулась на кровать, разревелась, уткнувшись в подушку. Генри дал ей пять минут выплакаться:

– Хватит реветь, иди умойся и приведи себя в порядок. Пойдем в ночной ресторан.

Марта шмыгнула еще пару раз носом и отправилась в ванную. Вышла оттуда через пять минут, схватила косметичку и, не глядя на Генри, снова исчезла в ванной.

Генри позвонил из номера в ближайший ночной ресторан – «Болеро Шлахте», в квартале от отеля. Заказал столик и меню из трех блюд. Воспитание Марты должно быть продолжено, поэтому не посчитал нужным устраивать «небольшой праздник». Обычный ужин, но в более позднее время.

21.30. Ресторан «Болеро Шлахте».

В ресторане почти все столики заняты – хорошо, что заказал по телефону. Генри ест молча, изредка отвечая на случайные вопросы Марты. Марта старается оживить разговор, рассказывает об Элен, о каких-то смешных случаях в кампусе:

– Понимаешь, Генри, я не пошла работать, так как везде предлагали мизерную зарплату – меньше, чем папаша давал ежемесячно. Да еще пришлось бы платить за квартиру, и питание не очень-то дешевое.

Генри не выдержал марку:

– Всегда начинающему дают мизерную оплату, но работать нужно – позднее получишь все, что положено.

– Вот и папаша так же говорит. Он предлагал засунуть меня в какую-то контору по торговле зерновыми. А я что потом, должна всю жизнь заниматься овсом да кукурузой?

Не стал отвечать. Марта перекинулась на Генри:

– Ты все молчишь, Генри. А чем ты занимаешься? Где работаешь?

– Нигде. Я писатель.

– А что ты написал? Я слышала, сейчас писателям туго приходится, никто ничего не читает. Я сама за последний год ни одной книжки не купила.

– Пишу для самого себя. А на жизнь мне хватает, любимая тетя оставила кое-какое наследство. Вот, езжу интересуюсь людьми.

– И про меня напишешь? Здорово. А ты и фамилии людей указываешь?

– Ты хочешь, чтобы я описал тебя – живущую на подачки «папаши», готовую уехать хоть к черту на рога с незнакомым мужчиной?

– Генри, не нужно так грубо. Ты мне не незнакомый мужчина.

– Конечно, очень хорошо знакомый – несколько раз вместе побывали в казино, разок переспали.

– Генри, не злись, я же хочу как лучше. Мне нравится быть с тобой. Ты очень отличаешься от моих знакомых.

Генри уже прикончил лосося в тесте с луком пореем, выпил кружку пива, а Марта еще и половину своей камбалы не съела, отставила в сторону. Правда, салат отведала с удовольствием. На десерт принесли вишневый торт и соки: грейпфрут для Генри и ананасовый для Марты.

23:30. Номер в отеле.

Генри готовится ко сну. Марта смотрит на него вопросительно. Жестко ей отвечает:

– Никакого секса. Ты наказана.

– Подумаешь, я и не хотела.

Сделала независимое лицо и демонстративно отвернулась на своей постели.

Генри начал проглядывать газеты. Взгляд остановился на небольшой заметке. Заголовок крупными буквами: «Убийство в окрестностях Меца». Текст ниже: «В Лотарингии странное убийство: убийство без ограбления, но имеются следы пыток. Имя убитой: Софи Морин».

Нахлынуло горькое чувство: «Бедная Софи, как ты наказана за мой визит. Что, всегда я буду приносить только несчастья? Как они смогли выйти на нее? Только если в конторе есть «крот». Хоть бы до Шмалленберга не добрались». Почему-то он был уверен, что Монику и Жанну они не найдут.

9:00. 20 мая 2015 г., среда.

Холл отеля.

Генри передает Марте пятьсот евро. Марта рассчитывается за номер.

На стоянке машин рассчитывается тоже Марта.

Гамбург, Франкфурт

Среда – пятница

9:30. 20 мая 2015 г., среда. В машине.

Генри настраивает навигатор:

– Расстояние до Гамбурга небольшое, около ста – ста двадцати километров. Мы могли бы проехать по автобану номер один меньше чем за час. Но выезд из Бремена и въезд в Гамбург муторные – без навигатора я бы запутался.

– А где мы остановимся в Гамбурге? Сколько времени там пробудем?

– Возьмем номер в «Холидей Инн Экспресс». Это в самом центре, на Симон-фон Утрехт штрассе. До Репербана пять минут ходьбы, судя по рекламе и отзывам проживающих. Думаю, что будет удобно – имеется платная парковка. Номер на двоих стоит в районе сотни евро.

11:30. Отель «Холидей Инн экспресс».

Марта поставила машину на стоянке в отеле, выбрала номер – стандартный, без излишеств. В номере, оглянувшись на Генри, спрашивает нерешительно:

– Хочешь отдохнуть с дороги?

– Да, можно немного. Потом пойдем пообедаем и погуляем по Репербану.

– Прекрасно, я ни разу еще не была там.

Уходит в ванную. Генри звонит Фридриху:

– Привет, я уже в Гамбурге. Когда можно зайти?

Голос Фридриха:

– Приходи завтра утром.

Генри опять звонит по телефону:

– Читали про убийство в Меце? Меня вычислили там. Уверен, что кто-то прослушал запись нашего разговора и засек номер. Убили ни в чем не повинную женщину, пытали – хотели узнать обо мне. Ищите крота. Не найдете, он будет информировать Ибрагима о моих передвижениях – от клиента откажусь.

– Не беспокойся, найдем.

13:00. На улице.

Ресторан обнаружили рядом с отелем, на той же улице – заведение со скромным названием «Восточный ресторан». Марта, повернувшись к Генри:

– Немного восточной экзотики нам не помешает.

Ресторан как ресторан. Ничего особенного, тем более экзотичного. Генри объясняет Марте:

– Ограничусь обычной добротной немецкой едой, не люблю экзотичные восточные блюда. Правда, какая экзотика в суши? Это подают чуть ли ни в каждом приличном ресторане. И возьму ягодный пудинг «Роте грютце» с вишней, смородиной, фруктовым соком и сливками.

Марта помимо салатов и первого заказывает суши.

14:30. На улице у ресторана.

Генри, в ходе разговора:

– На Репербане я бывал несколько раз.

– Гулял или по делам?

– И так, и сяк.

Опять возникают воспоминания.

Лето 2013 г. Дешевый отель.

Генри звонит по телефону:

– Есть дополнительные сведения?

– Да, мы взломали его медицинское дело. У него сильные проблемы с сердцем. Посмотри, как это можно использовать. Помни: сорок – если просто завершишь работу, сто – если акция не вызовет никаких подозрений. Смотри сам.

– Дайте перечень его лекарств.

– Пришлем. И дополнительные рекомендации. Но не задерживай дело. Ты и так уже изучаешь объект целую неделю. Как планируешь акцию?

– Все достаточно обыденно. Фирма клиента имеет вполне легальные коммерческие интересы в Пакистане. Но помимо этого имеются и сомнительные поставки. У него стареющая жена, молодящаяся любовница – секретарша его приятеля. Дочь и сын живут в Париже, прожигают деньги отца. Каждый вторник он бывает вечером у любовницы. Там я его и буду ждать.

20:45. 2013 г. Улица в тихом предместье Гамбурга.

Генри сидит во взятой им на окраине машине, в тридцати метрах от двухэтажного домика секретарши.

Объект – солидный шестидесятилетний бизнесмен – подъезжает на такси, как обычно, в девять вечера. Улица предместья пустая. Такси отъезжает, и Генри сразу ставит свою машину на это же место, останавливаясь задней дверцей к клиенту. Объект изумленно замирает на мгновение, хочет понять, в чем дело. Генри выскакивает из машины и заталкивает его на заднее сидение.

– Сидеть. Вам придется ответить на несколько вопросов. Я из МАД. Нас интересуют ваши связи с Пакистаном.

Объект широко раскрывает рот, не может ничего произнести – хватается за сердце. Для солидного коммерсанта с рыльцем в пуху интерес Службы военной контрразведки – удар по нервам и сердцу. На это Генри и рассчитывал:

– Примите таблетки, вам будет лучше.

Вытащил из сумки коробочку, высыпал на его ладонь горсточку таблеток и подал бутылочку с водой. Клиент, как загипнотизированный, проглотил всю горсть и запил водой.

– Кажется, нам придется отложить беседу. Мы встретимся, когда вы будете себя лучше чувствовать.

Вытащил его из машины и подвел к двери. Объект автоматически вынимает из кармана ключ, вставляет в замочную скважину. Генри возвращается к машине и уезжает.

На следующий день Генри развернул газету «Hamburger Morgenpost». В разделе сплетен и скандалов крупными буквами: «Солидный предприниматель найден мертвым на лестнице в чужом доме». Ни фотографии, ни указания фамилии. Ниже: «Возможна связь предпринимателя с дамой, проживающей в этом доме. По информации из надежных источников, смерть наступила из-за передозировки сильнодействующих лекарственных препаратов».

14:35. 20 мая 2015 г., среда. Гамбург, Репербан.

Через пять минут вышли к театру «Империал» на Репербане. Марта остановилась и разглядывает афиши:

– Генри, смотри, сегодня дают «Мышеловку» по Агате Кристи.

– Ну и что? Я не любитель театра. Может быть, мне не приходилось бывать на выступлении хорошей труппы, но страсти, разыгрываемые на сцене, всегда кажутся надуманными, эмоции – фальшивыми.

– Пойдем в театр! Мы еще нигде не были. И вообще, я давно не была в театре.

На лице у Генри недовольство, но все равно, видимо, придется соглашаться.

– Ладно. По делам мне только завтра. А сегодня нечем заполнить вечер. Не в казино же идти. Агату Кристи я всегда любил, но «Мышеловку» не помню.

Подходят к кассе, Марта покупает билеты. И тут же заволновалась:

– В чем же я пойду в театр? И в чем пойдешь ты?

– Я не собираюсь переодеваться, это не миланская опера. А ты? У тебя ведь есть хороший костюм, ты говорила.

– Да, и новые туфли надену.

Все равно не успокоилась – и прическа у нее плохая, и рубашка Генри совсем не свежая:

– Почему ты путешествуешь без чемодана?

– Я же тебе говорил, что чемодан в машине, в Кёльне. Куплю я рубашку. А ты иди в парикмахерскую.

Лицо Марты сразу прояснилось. Послала воздушный поцелуй и отправилась в ближайшую парикмахерскую.

15:30. У парикмахерской Генри в новой рубашке ждет Марту.

Марта появилась с новой прической, улыбается. Не спеша идут по Репербану. Дошли до Кёнигштрассе, вернулись и постояли у казино. Марта смотрит на Генри:

– Пойдем после театра, поиграем немного?

– Нет. Сегодня играть не хочется.

17:00. Номер в отеле.

Генри переделся за несколько минут. Марта меняет свой облик каждые две-три минуты. Надела брючный костюм, примерила туфли, долго смотрела в зеркало, требует от Генри сказать, идет ли ей. Осталась неудовлетворенной, два раза переделалась в разные платья, меняет кофточки, настроение меняется вместе с платьями. В результате она оказывается все в том же самом брючном костюме, чего, однако, и следовало ожидать.

– Ты замуж собираешься или на выпускной бал в школе?

– А тебе все равно, как я выгляжу?

19:30. Театр.

Посмотрев спектакль, обмениваются мнениями уже на улице. Марта, воодушевленно пытается объяснить Генри, что конкретно ей понравилось:

– Я в университете участвовала в нескольких постановках, но это был, конечно, совсем другой уровень. А здесь я просто в восторге от игры артистов. Знаешь, я все время подозревала разных персонажей. Считала убийцей то Кристофера, то майора Меткалфа, то даже миссис Кейсуэлл. А сержанта Троттера даже не заподозрила.

– А я все время думал: могли ли гости этого пансионата, благовоспитанные англичане, имеющие определенные нравственные принципы, убить? Да, видно, что могли в особых обстоятельствах. Но невозможно распознать убийцу, некого было априори отбрасывать.

Я внимательно смотрел на каждого из этих лощеных англичан, собравшихся как бы случайно в приветливом пансионате. Думал, что было бы с ними, попади они в ситуацию случайного человека в благожелательной, но отчужденной Европе? Да то же, что постоянно происходило с молодыми джентльменами, попавшими из патриархальных условий небольшого поместья викторианской Англии в будни африканской или азиатской колонии. Становились бы решительными, жесткими, жесткими до «оправданной» жестокости. Терялись бы сантименты и наращивалась броня практицизма и оправдания любых действий настоятельными потребностями суровой действительности.

Генри всю дорогу до гостиницы не мог оторваться от своих размышлений. То ли он делает? Может ли уйти из этой круговерти «акций», бегства, периодических «залеганий на дно» во все новых уголках Европы? Так и придется тащить свой крест до Греции, до уютного ресторанчика? Или ресторан в Греции – всего лишь мечта? Что его ждет в ближайший год? Арест и тюрьма, пуля охранника или полиции?

20.30. Отель и ресторан.

В отеле Марта переделалась и потащила Генри в ресторан, размышляя вслух, что они будут делать завтра. Генри же не удосужился сказать ей, что завтра они уезжают. Куда? Пока не ясно. Слишком часто он не знает, куда и с кем поедет завтра.

В ресторане Генри, как всегда, солидно поел – благо, что основательную немецкую еду можно было спокойно запивать не менее основательным немецким пивом. Марта свою порцию почти не тронула.

– Почему ты так мало ешь? Как ты поддерживаешь свои силы? Ведь ешь, как птичка божия. Как у тебя потом хватает сил на секс?

Марта рассмеялась:

– Главное, чтобы у тебя сил было побольше!

9.00. 21 мая 2015 г., четверг.

После завтрака за шведским столом Генри обращается к Марте:

– Я должен отлучиться на час-два, а тебе советую походить по магазинам.

– Генри, что за дела у тебя здесь?

– Мои дела. Я ведь тебе говорил еще в Шмалленберге, что мне нужно в Гамбург.

– Хорошо, деньги у меня еще есть, назло тебе все истрачу сегодня.

– Хорошо, «ла бриют», трать на здоровье, у тебя их не так много. Встречаемся здесь же, через два часа.

10:00. У Фридриха в конторе.

Небольшое помещение. Фридрих – мужчина неопределенного возраста.

– Добрался? Без приключений?

Передает Генри паспорт и небольшую пачку других документов:

– Вот, комплект на имя Генри Полонски, родившегося в Гамбурге.

Генри внимательно просматривает документы.

– Все в порядке, будь спокоен. Ты же знаешь, у меня полный контакт с нужными людьми. Мои документы «настоящие», еще никогда не вызвали подозрений. И цена для постоянных клиентов божеская.

Генри передает Фридриху конверт:

– Здесь пять тысяч. Спасибо, Фридрих.

Фридрих смеется:

– И когда тебя ждать в следующий раз?

– Надеюсь, не скоро.

11:00. Номер в отеле.

Генри звонит по телефону:

– Привет, есть новости?

– Клиент ждет в Венеции, отель «Мореско».

– Крота нашли?

– Не волнуйся, ищем и найдем.

Марта вернулась почти без покупок, если не считать мелочи для макияжа. Показала Генри маленький сверток:

– Видишь, я тоже не всегда трачу деньги.

Генри не ответил, буднично заметил:

– Пообедаем и едем в Венецию.

– Почему в Венецию? Хотя это отлично. Давно хотела посмотреть Собор Святого Марка, Дворец дождей, каналы... Как поедем?

– Маршрут я уже выбрал. Поедем через Франкфурт, Нюрнберг, Мюнхен и далее мимо Инсбрука, через Верону.

– Зачем Франкфурт? Может быть, сразу через Мюнхен?

– Так надо.

– Вечно у тебя секреты.

Но не стала возражать. Рассчиталась за отель, и оба пошли обедать во все тот же «East Restaurant».

13:00. В машине Марты.

Мелькает указатель: «До Франкфурта 450 километров». Чередуются свертки: на Ганновер, Кассель и, наконец, Франкфурт. Остановились в первом попавшемся отеле, где была парковка.

18:00. «Леонардо отель» на Мюнхенер штрассе.

Номера дешевые, не очень-то шикарные, но для одной ночи приемлемые.

Из отеля сразу пошли искать ресторан, чтобы поужинать. Ближайшим был американизированный «Latin Palace Chango». Марта:

– Смотри, сколько народу, и сплошная молодежь. И музыка отвязная.

– Нет, слишком тесно и шумно. Мне не нравится.

Двинулись дальше по Мюнхенер штрассе. Зашли в непрезентабельный «Merkez Doner Haus».

Марта скорчила недовольную физиономию. Генри, примирительно:

– Не хочу засиживаться в ресторане, чтобы успеть прогуляться по вечернему Франкфурту.

Марта успокоилась.

19:00. В ресторане.

За время поездки Генри и Марта успели нагулять хороший аппетит, ужинают молча.

Когда принесли десерт, Генри заметил:

– Мы ведь во Франкфурте. Ты не хотела бы завтра повидаться с отцом?

– Зачем? Я его видела в марте, он заезжал к нам на мой день рождения. Тогда и подарил машину.

– Так тебя поэтому называли Марта?

– Да, это мамина причуда. Хорошо хоть, что я не родилась в октябре. Интересно, как бы она меня тогда назвала?

– Очевидно, Октябрина.

– Да, только этого мне не хватало.

– Так позвони отцу, скажи, что ты хотела бы увидеть его завтра утром.

– Генри, зачем тебе нужен мой папаша?

– Почему мне? Мне он вовсе не нужен. Он нужен тебе. Вернее, вы нужны друг другу.

– Я ему точно не нужна. Иначе он не бросил бы нас с мамой.

– Ты не права. Сама говорила: «Он подлизывается ко мне». Зачем, спрашивается, ему это? Разве ты ему чем-то можешь помочь? Тебе не верится, что это обычная мужская привязанность к дочери? Тем более такой красивой и взрослой. И он приезжает к вам на твой день рождения.

– Ну уж, «красивой». Никто не называл меня красивой.

– Для меня ты красивая. А для отца, наверняка, ты самая красивая в Германии.

– Генри, я не понимаю, чего ты от меня хочешь, к чему этот разговор?

– Знаешь, я пытался понять, почему у тебя такая неустроенная жизнь.

– Неправда, устроенная. Я вполне довольна своей жизнью.

– Не перебивай меня, я же тебя не перебиваю. Снова повторю: неустроенная жизнь. Поэтому ты хватаешься за коктейли, проигрываешь деньги в казино, все время бежишь из дома, не имеешь постоянного друга. Тебе не хватало семейного покоя, мужчины в доме. Ты отказалась от постоянных встреч с отцом. А он любит тебя.

– Да уж, «любит».

– А что, – я не знаю, какие там у него доходы, но купить взрослой дочери на день рождения такую машину не каждый бы себе позволил. Сама ты и за десять лет не смогла бы скопить на нее деньги.

– Обошлась бы без такой машины.

– Смеешься? Тебе нравится красивая жизнь: модная одежда, новенькая машина, хорошие отели. Я видел, как ты скривилась, когда увидела наш номер.

– Ну и что, красивая жизнь всем нравится.

– Не буду спорить, всем. Так что давай, звони отцу. Но я не собираюсь с ним видеться.

Марта, удивленно:

– Почему?

– Незачем это. Сегодня мы с тобой рядом, а что будет завтра, я не знаю. Подумает, что ты привела претендента на твою руку.

– Интересная мысль.

Почти рассмеялась:

– А что, я не против рассмотреть такое предложение, если оно будет.

– Давай, давай, звони. И включи звук. Я хочу слышать.

– Дай хоть доесть десерт.

20:00. Там же.

Звонок Марты для барона Вилленберга такая неожиданность, что, после того как она назвала себя, барон запнулся и замолчал на несколько секунд.

– Да, доченька. Ты где, дома?

– Я во Франкфурте, проездом. Мы могли бы завтра утром встретиться?

– Конечно, но я бы мог и сейчас к тебе приехать. Где ты остановилась? Не хочешь переночевать у меня дома? У меня никого из посторонних в доме нет.

– Нет, мне это неудобно. Я не одна, со мной друг. Давай завтра.

– Где? Ты могла бы приехать ко мне в банк? Или мне подъехать к тебе?

– Я приеду в банк. Я знаю адрес.

– Хорошо, жду тебя между девятью и десятью. Тебе это удобно?

– Да, подойдет. Пока.

– Целую тебя, дочка.

Марта отключила телефон, посмотрела на Генри:

– Доволен?

– Да, все нормально. Судя по интонациям, он был рад услышать твой голос.

– Да, и думает, наверное, что я приехала за деньгами.

– Ни в коем случае не проси. Говори, что у тебя все нормально, просто захотелось увидеть отца. А теперь забудь все до завтрашнего утра. Пойдем, погуляем по городу.

20:30. Мюнхенер штрассе.

Генри и Марта медленно идут по Мюнхенер штрассе к центру. По дороге зашли в «Marie Eisen bar», постояли у стойки, выпили по коктейлю. Генри скривился – коктейль слишком слабый и сладкий, но Марте понравился.

Прошли до площади Вилли Брандта. Генри остановился, глядя на оперный театр. Марта энергично замотала головой:

– Я не одета для театра. А возвращаться, переодеваться – не хочется.

Дошли до большого перекрестка и остановились. Генри уже хотел возвращаться, но Марта потащила его вперед: на узенькую Мюнцгассе, которая перешла в такую же узкую и коротенькую Лимпургергассе, выводящую на площадь Ромерберг. Марта преобразилась в экскурсовода:

– Это моя любимая площадь. Сюда мы часто бегали студентками. Этот уголок старинного Франкфурта полностью восстановлен после американских бомбардировок.

Действительно, центр старинного и средневекового Франкфурта выглядит вечером сказочно. Марта ведет Генри в середину площади, к фонтану юстиции:

– Смотри, Генри, все вокруг – это дома пятнадцатого – восемнадцатого веков и даже раньше. Видишь – Старая Ратуша, ее называют Рёмер, и отсюда пошло название площади. Готический костел четырнадцатого века святого Леонарда. Красная с зеленым куполом башня церкви святого Николая. А чуть дальше, за домами, виднеется Франкфуртский кафедральный собор.

Марта поворачивает Генри из стороны в сторону:

– В этом здании жил Гёте, теперь здесь его музей. Здесь, в Рёмере, со времен династии Штауфенов, то есть с двенадцатого века, короновали кайзеров.

Она продолжает что-то говорить чуть ли не о каждом доме вокруг, но мысли Генри уже убежали вдаль, к Венеции, и он не очень прислушивается к ее словам.

– Генри, ты же не слушаешь совсем, для кого я распинаюсь?

– Извини, дорогая, я что-то устал. Давай вернемся, завтра будет тяжелый день.

23:00. Номер в отеле.

Легли было в разные кровати. Марта неожиданно встала, подошла к Генри, как была в ночной рубашке, поцеловала в лобик:

– Спокойной ночи, милый, отдыхай.

Генри не смог этого стерпеть, схватил ее и привлек к себе.

9:00. 22 мая 2015 г., пятница.

После шведского стола Генри говорит Марте:

– Рассчитайся за номер и забирай машину с парковки.

Марта ведет машину к банку. Здание солидное, и около него даже имеется свободное место для парковки. Марта выходит из машины, машет Генри рукой:

– Я на несколько минут.

Упорхнула. Генри стал рассматривать на карте дорогу до Венеции, проверяя, успеют ли пройти весь путь за день.

Марта вернулась минут через пятнадцать. Генри молча заводит машину и едет, выбирая дорогу на автостраду номер три.

Марта посидела, поерзала на месте:

– Почему ты не спрашиваешь, как мы поговорили с отцом?

- Сама расскажешь, когда захочешь. Значит, он уже отец, а не папаша?
- Знаешь, я пока сама не пойму ничего. Мне что-то жалко его стало.
- Жалко? Барон, банкир, кажется состоятельный. И тебе его жалко?
- Да, старенький он. Ему уже шестьдесят, а встречается с молодыми девицами. Тяжело ему, наверное, приходится.
- Радоваться нужно за него, что хватает сил на девиц.
- Ерунду ты говоришь. Да, он предлагал мне деньги, вытаскивал тысячу евро, но я отказалась, сказала, что друг обеспечен. Ведь это правда? Тогда он сказал, что ликвидирует минус на моем счете и будет снова пересылать деньги на счет. А я обещала заезжать хотя бы раз в месяц.
- Вот видишь, прогресс. Отец всегда остается отцом.
- Тебе-то откуда знать? У тебя, уверена, нет детей.
- Да, и детей нет, и отца никогда не видел.
- Как это?
- Он ушел из дома, когда мне было чуть больше шести месяцев. Но не будем об этом.

Не хочу вспоминать этого поляка.

– Ладно. Еще он снова предлагал устроить меня куда-нибудь на работу. Говорит, что приятелей у него достаточно. А я ему сказала, что только не на пшеницу с овсом. Знаешь, мы после этого впервые посмеялись вместе. Он даже решился обнять меня на прощанье.

– Вот видишь, он тоже стесняется показать тебе свои чувства, но все же решился.

Марта замолчала. Возможно, пытается разобраться в своих чувствах.

Генри удалось, наконец, выбраться на автобан номер три и прибавить скорость. Впереди Нюрнберг, Мюнхен и так далее до Венеции.

Венеция

Пятница – воскресенье

12:00. 22 мая 2015 г., пятница.

Миновали сверток на Нюрнберг. Мчатся по автобану 9. Никаких пересечений, прекрасная скорость. объехали Мюнхен по окружной дороге и выехали на 13-ю дорогу, которая должна была вывести на 11-ю. Утро хмурое, но по сторонам все просматривается далеко. Марта, увидев великолепные виды долины реки Изар, воскликнула:

– Давай, остановимся где-нибудь.

– Ладно, все равно обедать пора.

Машина пересекает Изар по новенькому мосту и въезжает на плотину «Сильвенстайн» у одноименного водохранилища. Еще несколько минут, и машина в поселке Jager fon Fall.

Генри ворчит:

– Проехали весь поселок, три отеля и ни одного кафе.

Еще несколько километров, и перед новым мостом через Изар обнаруживается микроскопический поселок Фордеррисс, состоящий из четырех домов. В самом большом из них – отель с кафе.

14:00. В кафе.

Генри заказывает обед. Марта звонит по телефону. Неожиданно встревожилась, включила громкий звук. Слышен голос баронессы:

– Я сама собиралась позвонить тебе. Несколько часов назад приезжали два молодых человека ближневосточной наружности. Представились твоими знакомыми, сожалели, что не застали, и спросили, где ты сейчас. Я, естественно, сказала, что ты была в Гамбурге, а сейчас едешь в Венецию. Кстати, твой отец звонил утром, рассказал о вашей встрече. Молодые люди поблагодарили и уехали. Несколько странно, все-таки у тебя удивительные знакомства. Но я посчитала необходимым поставить тебя в известность.

– Спасибо, мама. У тебя все в порядке? Бай.

И тут же набросилась на Генри:

– Нет у меня таких знакомых. Почему ищут не тебя, а меня. Кто они такие?

Генри сделал удивленное лицо:

– Не имею ни малейшего представления. Может быть, ты познакомилась с ними в Кёльне, когда была подшофе?

Марта еще что-то проворчала и успокоилась, по крайней мере внешне.

Генри взвесил обстановку: «Не дай бог, еще и Эльза Вилленберг пострадает. Теперь люди Ибрагима знают о его поездке в Венецию. Мало того, что будут предприняты дополнительные меры безопасности, они могут помешать вообще доехать до Венеции. Отныне этого следует ждать в любой момент. Парочка, которая в Германии, не догонит, но Ибрагим, конечно, должен послать людей навстречу».

От тяжелых мыслей оторвал хозяин, пригласивший к столу. Людей в обеденном зале очень мало и хозяин подсел поболтать:

– Сейчас две группы пошли в горы, поэтому почти никого здесь нет. Ведь окрестные места чудесные. Много дичи. Нет, стрелять здесь нельзя даже по лицензии, а когда-то все короли Баварии охотились в этих местах. Собственно, этот дом принадлежал до 1919 года короне. И в нашем поселке в семье королевского лесника родился знаменитый поэт Людвиг Тома. Как? Вы не читали его стихи?

Хозяин притащил целую связку потрепанных журналов «Симплициссимус» и подшивки газеты «Miesbacher Anzeiger» за 1918–1919 годы. Порывшись в них, начал тыкать то в одно место, то в другое. Стихи и полемические статейки Тома везде обведены красным карандашом.

Любезности ради Генри взял подшивку. Текст, однако, вызывал у него явную неприязнь, с улыбкой вернул все хозяину:

– Я не очень увлекаюсь стихами. Лучше я отдамся чревоугодию.

Быстро закончил есть. Воспользовался тем, что Марта продолжает ковырять вилкой в своей тарелке, и вышел на веранду.

Веранда отеля.

Генри звонит в «контору»:

– Ибрагим знает, что я выехал за ним в Венецию. Считаю, что продолжать акцию бессмысленно. Охрана будет наготове. К нему непрерывно поступает информация обо мне и моих связях.

– За операцию мы уже получили деньги в полном объеме, и ее прерывать нельзя. Это значительно подорвет наш авторитет. Крота мы определили, обработали, и он сдал нам все что требовалось. Кстати, в полицию Марсея он ничего не передавал. Можешь быть спокоен: он больше не встретится ни на твоём, ни на нашем пути.

– Меня это не утешает. Ибрагиму новая информация не нужна. И я беспокоюсь о своих знакомых. Я говорил вам об убийстве женщины в окрестностях Меца. Это работа его людей. После этого они наводили в Германии справки о моих передвижениях. Они знают мою новую фамилию, знают марку машины. Я выхожу из дела.

– Мы готовы тебе передать почти все, что нам оплачено – девяносто тысяч, включая твой аванс, оставляя себе только десять. Но ты должен завершить акцию.

– Я подумаю.

– Нечего здесь думать, пора действовать. Не забывай, сейчас идет речь о нашем престиже. Заказчики и так недовольны, что дело затянули.

– Ладно, справлюсь. Конечно, Ибрагим предупрежден, но и я тоже знаю, что он предупрежден. Мои семьдесят пять тысяч сразу переведете в Прагу. И я уйду в отпуск на три недели.

– Хорошо, не сомневайся.

Марта завершила, наконец, обед, расплатилась, попрощавшись с хозяином вышла к Генри на веранду:

– Ты ушел, даже кофе не выпил, что-то не понравилось?

– Смотреть не хотелось на этого антисемита.

– Почему антисемита? Он ни слова не сказал против евреев.

– А ты читала то, что он мне подсунул?

– А что там?

– Статейка этого Тома. Как будто в «Фелькишер беобахтер» окунулся. Почитала бы ты, как он говорит о Берлине: «Смесь галицийского еврейского местечка и нью-йоркского гангстерского квартала». И это не самое худшее, что он пишет. Я еще сдержался, а нужно было бы начистить хозяину фейс.

– Странно, ты такой выдержанный, а тут взъелся. Ты разве еврей?

– А нужно быть евреем, чтобы антисемитизм не нравился? Нет, у меня отец поляк, по крайней мере, мама так говорила, а мать француженка. Ее я, к сожалению, похоронил пять лет назад.

Оба уже садятся в машину. Генри переложил кейс на колени Марте, набрал секретный код и, не вынимая пистолет, чтобы не напугать Марту, положил его поверх остальных вещей, оставив кейс полуоткрытым.

14:50. В машине.

Марта почти сразу задремала – устроилась, откинувшись на спинку кресла.

Дорога идет после очередного моста через Изар по берегу реки. Через десяток километров, у Вальгау, перешли на прекрасное шоссе 11, но еще через десять минут, уже на шоссе E533, скорость пришлось резко снизить.

Несколько раз пересекли Изар и его притоки. Пошел дождь. Хмурилось с утра, но теперь появились черные тучи, и начался усиливающийся ливень. Путь до Миттенвальда – какие-то несчастные шесть километров – преодолели за пятнадцать минут. Потом дорога все сильнее забирает в гору – знаменитый перевал, через который во все времена потоки солдат и караваны торговцев шли в благословенную долину реки Инн. Машина движется еще медленнее. На дороге не осталось автомобилей – вероятно, все попрятались в близлежащих поселках. И это вполне оправданно – скользкая дорога, сильный дождь, никакого удовольствия от сказочных окрестных ландшафтов.

Не доезжая километр до границы с Австрией, Генри увидел впереди стоящую у дороги машину. Из нее вышел человек в плаще и поднял руку. Возможно, просит помощи. Затормозил около него, хотел выйти, но застыл, увидев перед глазами наставленный пистолет. Из машины напротив раздался голос по-арабски:

– Это он?

Человек в плаще откликнулся, тоже на арабском: – Да, и с ним баба. Сможешь позабыться с ней.

Расхохотался, на мгновение оглянувшись ко второму, выходящему из машины. Генри использовал это движение – автоматически выхватил из дипломата пистолет и не задумываясь выстрелил ему в голову. Выскакивая из машины, видит краем глаза, как тот медленно падает, одновременно стреляет во второго. Подбежал и сделал контрольный выстрел в голову. Теперь можно вернуться к первому – но он лежит неподвижно, пуля прошла через ухо и вышла с другой стороны.

Из машины в это время выбралась Марта. Ничего не соображая, глядит то на двух лежащих на дороге мужчин, то на Генри, все еще стоящего с пистолетом в руке.

– Генри, что это? Почему?..

Бойтся произнести недостающие слова, но Генри все равно некогда отвечать. Справа крутой откос – подхватил первого за руки и сбросил его вниз. Второй лежит неудобно, лицом вниз, руки оказались под ним. Генри берет его за левую ногу, тоже тащит к откосу и отправляет вслед за товарищем.

– Генри, это ты убил их? За что? Так нельзя!

– А ты хотела бы, чтобы сперва убили меня, а потом изнасиловали тебя и тоже убили?

Аккуратно поддел носком ботинка лежащий на асфальте пистолет бандита и скинул его туда же под откос.

– Перестань реветь. Сейчас ты можешь развернуться и уехать назад, к маме. Либо можешь продолжить путь со мной. Если отправляешься домой, я уеду на машине этих бандитов.

– Нет, мне страшно. Я с тобой.

– Тогда садись в машину, незачем мокнуть под дождем. Завел вторую машину, подкатил к откосу и отправил вниз. Вернувшись, объяснил Марте:

– Машину и тела обнаружат только завтра, когда мы будем уже в Италии. Дождь будет до утра, смоев все следы нашего автомобиля и кровь.

Марта никак не отреагировала, продолжает всхлипывать, но под шум дождя задремала.

Дорога в Италию кажется бесконечной. Генри молчит все время, пока от Шарница машина спускается в долину реки Инн. Еще десять минут до Инсбрука, а дальше чуть больше двухсот километров до Вероны по дорогам A13 и A22. Заправился на ближайшей заправке,

дал возможность Марте немного походить ногами после длительной поездки. Ужинать рано, выпили только по стаканчику кофе и сходили по очереди в туалет.

Снова в путь. От Инсбрука до Больцано дорога тоже горная, но великолепная. Дождя нет, покрытие сухое, мощный мотор позволяет поддерживать хорошую скорость.

В стороне остаются Больцано, Тренто, справа вдаль – бесконечная гладь озера Гарда. Машина движется максимально быстро, появляется указатель съезда на Верону.

Марта давно проснулась, увидела слово Верона:

– Давай заедем, посмотрим балкон, с которого Джульетта разговаривала с Ромео.

– Не получится, мы сегодня должны приехать в Венецию. До Венеции сто десять километров, и еще нужно успеть устроиться в отель. В Верону заглянем на обратном пути.

18:20. Венеция.

Машины поставили в многоэтажном паркинге гаража «Autorimessa comunale» на Piazzale Roma, что прямо после въезда в островную часть Венеции. Примерно тридцать евро в сутки – нормальная цена. Почти рядом нашли «Hotel Santa Chiara». Недорогой для Италии, удобно, что рядом два канала, в том числе Гранд-канал, и можно легко получить на сутки моторную лодку.

В номере Генри смотрит по карте Венеции в Интернете окрестности отеля «Мореско». Он совсем рядом – на канале Рио Нуово.

– Гулять начнем завтра утром. А пока нужно отдохнуть после длительной поездки, поужинать. Да и нервишки твои успокоить.

Однако вместо отдыха Марта сразу после душа пристала:

– Генри, я не понимаю, как можно так спокойно убить человека, даже двух?

– Я же тебе сказал, если бы я не избавился от них, сейчас мы оба лежали бы мокрые, окровавленные на камнях этого откоса. Скорее всего, и твоя прекрасная машина валялась бы где-то рядом.

– Но почему у тебя пистолет? Как ты решился стрелять?

– Разве я тебе не упоминал, что четыре года отслужил по контракту во французском Иностранном легионе. Поверь, мне приходилось видеть более страшные события и самому в них участвовать – в обстановке, когда или тебя убьют, или ты прикончишь врага. А эти бандиты – наши враги.

– Это те, что были у мамы? Теперь поджидали нас? Почему они нас преследуют?

– Да, им из Германии сообщили, куда и на какой машине мы едем. Вот они нас и встретили.

– Ужас. Что им нужно?

– У меня были разногласия с хозяином этой банды, и он поклялся убить меня.

– Разногласия? Разве из-за разногласий убивают? И зачем мы приехали в Венецию?

– Здесь я могу покончить с нашими разногласиями. Хватит говорить на эту тему. Если тебе страшно, ты можешь хоть сейчас, хоть завтра утром забрать свою машину и уехать. Уехать куда хочешь и забыть об этих неприятностях. Зачем они тебе?

– Но я не хочу уезжать от тебя. Давай уедем вместе.

– Нет. Давай отдохнем хоть полчаса и пойдем ужинать. Улегся на своей постели и почти сразу уснул. Проснулся точно через полчаса, как заказал. На соседней постели лежит Марта с широко раскрытыми глазами и смотрит в потолок.

– Подъем, дорогая. Пять минут на сборы и пойдем ужинать.

Собраться за пять минут не удалось, Марта провозилась минут двадцать, но наконец оба вышли из отеля. Генри повел Марту по правой стороне канала Рио Нуово – правой, если идти от Гранд-канала. Сначала шли мимо небольшого садика, Марта с любопытством смотрит

вокруг. Здесь через каждые двадцать пять – тридцать метров красивые мостики. После канала Св. Андреа перешли на другую сторону Рио Нуово и почти сразу же попали в кафе «Гилати».

19:50. В кафе.

Марта оглядела помещение, что-то ей не понравилось: – Ты хочешь ужинать здесь? Может, пройдем дальше?

– Мой знакомый должен бывать здесь, правда, сейчас поздно, и он, вероятно, давно ушел отсюда.

Наскорю перекусили: Марта после стресса вообще не могла себя заставить есть, Генри тоже не усердствовал.

После кафе прошли до следующего моста и вернулись на правый берег канала. В этом месте от Рио Нуово отделяется Рио дель Тре Понт, но они остались на набережной Рио Нуово. Еще полсотни шагов, и на другом берегу перед Генри – «отель Мореско». Замедлив шаг, внимательно рассматривает его окрестности. Марта с недоумением глядит на Генри:

– Что такое, почему мы стоим?

– Завтра хочу совершить прогулку на катере по каналам, вот и смотрю, как лучше ехать.

Марта, не вникая в эти объяснения, заранее радуется такой прогулке.

Дошагали по набережной Рио Нуово до очередного моста. Следующий канал называется Рио деи Толентини. Немного прошли вдоль него, и Генри решил возвращаться, так как в конце квартала нет мостов ни через этот канал, ни через пересекающий его канал Малькантон. Да и ушли уже довольно далеко.

В номере.

Марта опять взялась за свое:

– Нам нужно вместе уехать из Венеции.

– Мне уже надоело все пережевывать, кончай болтать.

Прекратил этот ненужный разговор самым надежным способом.

9.00. 23 мая 2015, суббота. На Гранд-канале.

Генри идет на Гранд-канал – буквально в десятке шагов от отеля, и договаривается с хозяином катера, что арендует его на один день. Хозяин показывает, где нужно вечером поставить катер и как закрыть на замок. Деньги Генри отдает сразу.

Через полчаса Генри и Марта едут вместе до канала Малькантон, проверяя, как потом отсюда добираться до Гранд-канала. Причалили катер к столбу у начала улицы Salizada San Pantalon. Чтобы подняться на набережную здесь очень удобная каменная лестница, выходящая прямо из воды. Почти сразу оказались у дверей таверны «Osteria ae Cravate». Таверна чистенькая, не претендующая на особый шик, но с уголком, где на стенах множество фотографий знаменитых, по мнению хозяина, людей, посещавших таверну.

С удовольствием и хорошим настроением принялись за простенький завтрак, предложенный хозяином. Народу в таверне нет, поскольку, вероятно, туристы завтракают в отелях. Хозяин сразу пытается начать рассказывать о своих важных посетителях, однако Генри вежливо отказывается от его объяснений: сам он эту речь понимает, но Марта с итальянским языком совсем не знакома.

После завтрака двинулись дальше. По каналу Малькантон можно выйти через еще один небольшой канал на Рио Нуово, но Генри свернул вправо и, обогнув сад Пападополи, вывел катер на Гранд-Канал. До отеля отсюда всего несколько шагов – вокруг все того же сада, и минута хода на катере. Но сейчас Генри свернул вправо, и катер долго идет по Гранд-Каналу,

позволяя рассматривать его набережные и бесчисленные дворцы на них. Прошли до выхода в лагуну около Сан Марко. Марта, взволнованно:

- Вот он, Сан Марко. Я давно мечтала погулять на этой площади, посмотреть все вокруг!
- Хорошо. Но только гулять будем не больше часа.

Марта восхищается площадью и собором, выбирает в многочисленных киосках подарки маме и отцу, о котором, впрочем, ей напомнил Генри.

На обед вернулись в ту же остерию. Наконец после этого Генри объявил:

- Вечером у меня дела, поэтому мы сейчас отправляемся в отель.

В отеле Генри буднично приказал Марте собираться.

- Почему? Мы не можем задержаться еще на день?
- Нет, сразу по моему возвращению отправляемся на материк.

У Марты опять недовольство:

- Ты идешь по делам, связанным с теми самыми «разногласиями»?
- Да, я думаю, мы уладим наш вопрос быстро. Жди меня через полтора-два часа.
- А... если ты не вернешься так скоро?
- Садись в машину и уезжай.
- Без тебя? Куда?
- К маме, к отцу. Все равно. Я тебя найду.
- Правда? Найдешь?
- Постараюсь. А теперь я хочу немного отдохнуть.

Проспал полтора часа и ушел, оставив Марту, глядящей в окно на канал. Взял катер, проехал до моста, соединяющего набережные канала Св. Андреа и канала Толентини, недалеко от кафе «Гилати». Отсюда хорошо видны все входящие и выходящие из кафе. Посмотрел на часы, как бы случайно завесил номер катера спущенным брезентом. Наконец включил двигатель, оставив его на холостых оборотах.

Наблюдать за кафе пришлось недолго. Из дверей появился первый телохранитель, за ним в двух шагах Ибрагим – средних лет араб, следом второй телохранитель.

Генри переключает скорость и дает газ. Катер двинулся вперед, набирая мощь. Ибрагим оборачивается на звук – расстояние до него всего семь метров. Генри стреляет ему в голову. Ибрагим пошатнулся, выходящий за ним второй телохранитель подхватил его, а Генри успел выстрелить еще раз, попав опять в голову. На полной скорости уходит вперед. Первый телохранитель выхватывает пистолет, стреляет вслед Генри – мимо цели, слишком уж торопился.

Впереди мост, катер скрывается за небольшим поворотом. Еще один мост, катер уходит в канал Малькатон. Генри снижает скорость, поднимает брезент, чтобы был виден номер. Уходит по уже знакомой дороге к Гранд-каналу. Еще пять минут на то, чтобы причалить и поставить катер на цепь с замком. Спокойно возвращается в номер.

В номере Марта уже ждет собранная, испуганно смотрит на входящего Генри.

- Ты что, беспокоилась? Мы все обсудили и разрешили все разногласия.

Марта, с надеждой в голосе:

- Так, может быть, мы останемся еще до утра?
- Нет, мы едем прямо сейчас, сдавай номер, но не торопись. Ночевать будем в Вероне.

И про себя: «Куда делась строптивая избалованная жизнью девушка? Теперь безропотно слушается. Может быть, податься в воспитатели молодых барышень?»

Машина едет по материковой части Венеции. Час по ночной Ломбардии. Марте удалось, наконец, заснуть. Несколько минут по улицам Вероны, и машина останавливается у отеля «Antica Porte Leone».

В отеле.

Поздно, но нашелся двухместный номер, правда, с одной кроватью под роскошным балдахинном. Цена кусается – сто шестьдесят евро. Да еще за парковку взяли тридцать евро и увезли машину в неизвестном направлении.

Устроившись, вышли на улицу и отправились к ближайшей остерии «Da Ugo» – это в пятидесяти шагах от отеля. Остерия закрывалась, ведь уже почти одиннадцать вечера, но поздним посетителям по-быстрому соорудили кое-что поесть, взяв за это весьма прилично.

В номере, после душа, можно отдыхать.

8:30. 24 мая 2015 г., воскресенье.

После завтрака Марта попросила:

– Пойдем к балкону Джульетты?

– Да, а что еще делать в Вероне? Я его видел, но тебе, конечно, будет интересно.

Дворик Джульетты в Вероне.

Почти замкнутый дворик заполнен посетителями, несмотря на то, что еще рано. Главная достопримечательность – трехэтажный дом. Правда, третий этаж очень низенький, и такое впечатление, что его достроили позднее, а сам дом подлинный – того времени. Часть двора окружена значительно более новым пятиэтажным домом. Замыкает дворик одноэтажное строение, в котором продается все, что может потребоваться туристам в память посещения этого места, столь любимого женщинами.

Балкон как балкон. На нем, небрежно облокотившись на балюстраду и повернувшись всем телом влево, стоит девушка, разговаривая еще с одной особой, выглядывающей из соседнего окна. Стены дома кирпичные, во многих местах какие-то утери скрыты штукатурными заплатами, и выглядит это очень непрезентабельно.

Марта лицезреет балкон, даже немного приоткрыв рот. Не замечая ни толпу вокруг, ни грязноватые стены. Она – на балконе Джульетты.

Генри дает ей пять минут на созерцание. С улыбкой:

– И кого ты видишь сейчас под балконом? Надеюсь, не меня. Молодого симпатичного юношу?

– Ты всегда умеешь испортить момент.

– Сдаюсь, такой уж у меня характер. Пойдем, погуляем еще немного и поедем дальше.

Марта, отмахнувшись от него, решительно заходит в единственный открытый так рано магазинчик и закупает всякую дребедень.

Наконец удалось оторвать ее от прилавка, они прошли еще несколько кварталов, посмотрели какие-то дворцы и вернулись в отель. Генри попросил, чтобы пригнали машину, и они отправились дальше.

Меньше чем за два часа доехали до Милана. После него пообедали в придорожной остерии. Еще два с половиной часа добирались до Берна.

15:00. В Берне.

Генри звонит по телефону:

– Дело сделано. У нас все в порядке?

– Да, все в порядке. Контракт исполнен. Деньги мы перевели. Можешь, как договорились, отдыхать три недели. Созвонимся.

Генри обращается к Марте и неожиданно прощается с ней: – До свиданья, Марта. Я вынужден тебя покинуть. В Германию поедешь одна.

Марта сначала не поняла:

– Генри, ты шутишь? Что означает «до свидания»? Разве мы можем так просто распрощаться?

– Конечно, можем. Вспомни, ты сказала в Шмалленберге: «Уедем куда-нибудь, куда угодно, хоть на несколько дней». Мы в пути уже неделю, все что хотели – сделали. А дальше у нас у каждого свои дела. Я не могу тебя взять с собой, не могу подвергать все время опасности. Не знаю, куда меня понесут ноги через несколько дней. А тебе нужно строить собственную жизнь. Считай, что это был отпуск, после которого ты возвращаешься к нормальной жизни. Надеюсь, что вы с отцом найдете правильное решение. Не реви.

Марта трет глаза:

– Генри, я не знаю, что сказать. Извини, я не плачу, просто мне грустно, и слезы сами ползут. Я тебя увижу еще?

– Если буду в Германии, позвоню тебе. Твой телефон, если он у тебя изменится, найду через баронессу.

– А как ты дальше? Ты ведь не забрал в Кёльне машину и чемодан. Поедем, заберешь.

– Я думал, ты уже догадалась, что никакой машины там у меня нет, и чемодана. Поеду на поезде в Испанию. Пока.

Поцеловал Марту и ушел.

Лион, вокзал.

Генри выходит из вокзала, садится в такси.

У входа в дом Мари.

Генри звонит. Мари открыла дверь и отшатнулась:

– Генри? Что ты здесь делаешь?

– К тебе приехал. Пустишь или будешь держать за дверью? Или у тебя кто-то есть?

– Заходи, никого нет. Но я никак не думала тебя увидеть еще раз.

Пришла в себя, и как нормальная женщина обеспокоилась своей внешностью:

– Прости, я одета по-домашнему, у меня ужасный вид. В гостиной Мари оглядывает

Генри:

– Ты совсем не изменился.

– Почему я должен меняться? Да, я к тебе по делу.

– Опять скрываешься?

– Нет, я вполне легален. Могу представиться: Генри Полонски.

– Не шути.

– Нет, правда. Могу представить документы, настоящие. Но дело не в этом. Я хочу съездить в Грецию на пару недель. Поедешь со мной?

– В качестве кого? Зачем я тебе? Любая девушка поедет с тобой. Зачем меня брать с собой?

– Я хочу быть с тобой. Ты мне нравишься: с тобой спокойно, и ты не задаешь лишних вопросов. Но это предложение только на две недели. Не знаю, что будет дальше.

– Что ты хочешь делать в Греции?

– Посмотрю ресторанчики. Моя мечта – купить небольшое кафе при маленьком отеле, с пятью-шестью номерами, и прожить там много лет в тишине.

- Но я работаю. Не знаю, отпустят ли меня на две недели. И мне же нужно делать очередной взнос за дом.
- Если дело в деньгах, я тебе их дам. Кстати, как твое настоящее имя?
- Меня действительно зовут Мари.

Две недели в Греции: на Акрополе, на горе Олимп, на островах – везде рядом с Генри Мари. Никогда он еще так спокойно и умиротворенно не бродил по свету. Отели и кафе тоже посматривал, но не строя больших планов.

Часть 2

Охранник

На этот раз Генри выступает в непривычной для себя роли – охранника журналистки, готовящей материал о незаконных действиях могущественного концерна. Несложное, как могло бы показаться поначалу, задание вылилось в жесткое противостояние со службой безопасности концерна.

Случайно Генри знакомится с одной из дочерей финансиста – главного героя книги «Жизнь житомирского еврея». Это знакомство в дальнейшем круто изменит его судьбу.

Нюрнберг

Понедельник – вторник

12:00, 9 ноября 2015 г., понедельник.

Генри едет по дороге из Страсбурга в Чехию. Уже проехал Хейльбронн, намереваясь перейти на 81 шоссе и через Вюрцбург и Бамберг проехать в Чехию. Прекрасная, почти морозная погода, ярко светит солнце. Генри предвкушает длительный отдых в своем тихом домике в Страдонице.

Внезапно звонит телефон.

Знакомый голос предлагает:

– Позвони мне с автомата.

– Хорошо. Позвоню, как найду.

Продолжает ехать.

У придорожной закускойной находит автомат, звонит:

– Привет. Я слушаю тебя.

– Есть заказ.

– Я ведь на отдыхе. Что, никого нет под рукой?

– Особый случай. Нужна не акция, а посмотреть, в чем проблемы у человека. За объектом следят. Возможно, это просто слежка по заданию ревнильца.

– Но это не моя специальность. Зачем это мне?

– У нас никого поблизости нет. А это срочно. Предложили нормальные деньги. Работа на неделю.

– Почему на неделю? Потом ничего не будет нужно?

– Так думает заказчик. Нам какое дело, почему он так думает? Нужно в течение недели обеспечить охрану объекта. Остальное нас не касается.

– Сколько? Как я получу информацию?

– Тебе десять. В Нюрнберге войди в сеть. Получишь инструкции. Время отсчитывай с первого контакта с объектом.

– У меня с деньгами плохо, только тысяча. А с карточкой я обычно не играюсь, тем более на задании.

– На пару – тройку дней тебе хватит. Потом доставим наличные. Но только укажи город поближе к нам.

– Брюгге подойдет?

– Хорошо. Созвонимся, когда будешь там.

Отключился. Генри изменил конечный пункт в GPS на Нюрнберг. Перешел на шоссе 6. Задумался.

В Нюрнберне припарковался рядом с отелем «Garni Luga» на Габельштрассе. Отель средненький, трехзвездочный, но он уже останавливался здесь когда-то. Расположен удобно: недалеко вокзал, рядом метро, вокруг много кафе и ресторанов. Утром шведский стол, и есть Интернет. Пятиэтажное здание стеснено соседями, всего около тридцати номеров. Заказывает в ресепшен номер на втором этаже.

В номере по привычке выглядывает в окно. Перед глазами небольшой парк с детской площадкой – ничего интересного. Выходит на улицу, в руках только кейс. Сворачивает на Маффелплатц и идет по ней до ресторана «Пеппино».

В ресторане заказывает обед. Раскрывает телефон, набирает коды. На экране сообщение: фотография молодой женщины, фамилия, имя и адрес. Оказывается, что и гостиница, и ресто-

ран менее чем в полукилометре от адреса клиентки. Несколько мгновений смотрит, закрывает телефон. Спокойно продолжает обедать.

Проезжает по Бульманштрассе, рассматривая припаркованные на улице машины. Все, кроме одной, без водителей и пассажиров. Не притормаживая внимательно разглядывает эту машину: «Однако нагло следят, прямо у парадного входа».

Заворачивает за угол и паркуется на Риттер-фон-Шух-Платц. Выходит из машины и ищет вход внутрь квартала. Квартал – прямоугольник между улицами Пилленройтер-штрассе, Коперникусштрассе, Бульманштрассе и Риттер-фон-Шух-Платц. Проходит внутри квартала до входа в Буль-манштрассе, 48 и присаживается на скамейке под раскидистым деревом, растущим прямо в углу этого чистенького двора. Сюда можно зайти прямо с Бульманштрассе, проход на улицу в двух шагах, но зачем?

Посидел несколько минут и поднимается по лестнице второго входа. Судя по номеру, квартиры должна быть здесь. На площадке третьего этажа звонит в дверь.

Дверь приоткрывает молодая женщина, но цепочка остается замкнутой:

– Что вам нужно?

– Эмма Блюхер?

– Да, а вы кто?

– Меня прислали к вам по заказу. Меня зовут Генри. Вам сообщили?

– Да, мне прислали письмо по электронной почте.

– Разрешите войти?

Эмма снимает цепочку, впускает Генри в прихожую. Рассматривает Генри, Генри рассматривает ее.

Субгильная шатенка, но, возможно, крашенная. На вид лет под тридцать, разглядеть трудно, так как в прихожей плохой свет. Эмма, видимо, осталась удовлетворена видом Генри, так как предложила:

– Проходите в гостиную.

Генри вошел в гостиную, огляделся:

– Расскажите, в чем проблема? Почему нужна охрана?

– Два дня тому назад я заметила за собой слежку. Какой-то мужчина шел за мной от редакции моей газеты до машины. Потом за мной следовала машина. А вчера, после того как я увидела снова этого мужчину, я пожаловалась Джованни.

– Джованни? Кто это?

– Джованни мой друг. Он сразу же сказал, что организует мне охрану. Наверное, он и связался с вашим агентством. Скажите, сколько я должна вам платить?

– Вас это не касается. Охрану заказал мужчина, и он платит моей фирме. У вас имеются предположения, почему за вами следят? Это связано с вашими личными отношениями или с работой?

– Не знаю, ничего не знаю. Никогда за мной не следили. Да вы садитесь.

Генри подходит к окну, закрывает шторы. Присаживается около стола:

– Хорошо. Нам предстоит долгий разговор. Кроме Джованни, у вас есть отношения с другими мужчинами или женщинами?

– Если я вас правильно понимаю, вас интересуют интимные отношения? Нет, с Джованни мы вместе уже несколько месяцев. Других мужчин у меня нет, тем более женщин.

– Извините за настойчивость в таком деликатном вопросе, но для меня важно понять, что происходит. Может быть, у вас были непростые отношения с кем-то до Джованни, и теперь он вторгается в вашу личную жизнь?

– Не думаю. У меня были отношения, как вы говорите – с одним журналистом, но мы мирно разошлись с год тому назад. А потом, увы...

Рассмеялась:

– А почему вас интересует именно моя личная жизнь?

– Меня так предварительно информировали. Кроме того, я видел человека, который следит за входом в ваш дом, нисколько не прячется. Поэтому подумал, что ничего серьезного нет. Но посмотрим. На всякий случай я останусь у вас на ночь, а завтра поговорю по-своему с этим человеком, и решим тогда, что делать дальше. Может быть, уедем дней на шесть куда-нибудь. У вас есть возможность переехать в другое место?

– Можно переехать в загородный домик. Мне от тети достался домик недалеко от Нюрнберга, а эту квартиру я снимаю. Но почему дней на шесть?

– Ваш друг заказал охрану на неделю. Вероятно, он надеется за это время как-то решить вопрос о вашей дальнейшей безопасности. Я постараюсь не мешать вам – посижу здесь, посмотрю телевизор. А вы занимайтесь своими делами. Спать я смогу здесь же, в гостиной на диване. Вы обедали?

– Да, обедала.

– Хорошо. А как с ужином? У вас есть что-то съестное дома?

– В холодильнике немного. Я обычно питаюсь в кафе около работы или тут рядом, за углом. Дома я редко готовлю. Но в морозилке должно быть что-то.

Генри переходит на кухню:

– Посмотрим, что у вас есть в холодильнике.

Открывает холодильник:

– Не густо, но ужин соорудить можно.

Эмма прошла за ним на кухню:

– Вы будете готовить? Может быть, пойдем вечером в кафе? Совсем рядом, за углом, есть нормальное кафе.

– Из квартиры до утра выходить не будем. Но если готовить ужин хотите вы – пожалуйста, я не возражаю.

Улыбнулась:

– Я готова уступить вам это право. Честно говоря, я не очень хорошо готовлю. Джованни всегда смеется, когда я пытаюсь угостить его ужином.

– Хорошо. Вы пока отдыхайте или работайте. Я тоже подремлю с пару часиков. Известно, что будет ночью.

Остался в гостиной, прилег на диване. Эмма ушла в спальню.

18:00. Генри встал, посмотрел сообщения на телефоне. Начал хозяйничать на кухне.

Позже из спальни вышла Эмма, смотрит на то, как Генри готовит:

– Не слишком рано для ужина?

– Лучше поужинать раньше и пораньше лечь спать. Я сейчас закончу. А вы, Эмма, подготовьте пока свои вещи, мы уйдем рано.

Эмма уходит из кухни в спальню.

18:30. На кухне.

Генри и Эмма сидят за столом. Перед ними тарелки с салатом, яичница с беконом и чайник. Генри старательно «работает» над содержимым тарелки. Эмма почти не ест, смотрит на Генри:

– Может, принести вино? Вы будете?

– Извиняюсь, на работе не пью. Но если вам нужно для успокоения, пожалуйста.

– Нет, совсем не обязательно. Я не очень волнуюсь, не думаю, что все это серьезно. Надеюсь, что это какая-то ошибка.

– Вряд ли. По-моему, ваш Джованни серьезно озабочен. Впрочем, не будем гадать. Возможно, утром все прояснится. Сейчас мы попьем еще чай и отдохнем. Нужно будет лечь пораньше, так как завтра рано вставать.

21:00. Гостиная.

Генри сидит за столом, смотрит последние известия в своем ноутбуке. Временами выходит из спальни Эмма, собирая какие-то мелочи в чемодан.

Ночь. Там же.

Темно, только из окна пробивается свет уличных фонарей. Генри лежит на диване практически одетый.

Раздается тихое позвякивание и шорох в дверях. Генри сразу же встает, босиком подходит к двери. Становится рядом, прижавшись к стене. В руках пистолет.

Дверь тихонько приоткрывается. Звякает цепочка, перерезанная мощными ножницами. Появляется рука с пистолетом, следом в комнату медленно протискивается маленький худощавый мужчина. В темноте виден только его силуэт.

Генри бьет пистолетом по его руке с оружием. Мужчина от неожиданности роняет свой пистолет, разворачивается к Генри. Генри молча врезал ему левой рукой в челюсть. Правой рукой ударил рукояткой пистолета по голове. Мужчина начал оседать. Генри подхватывает его, оттаскивает от двери. Укладывает на пол и закрывает дверь. Поднимает и кладет на стол пистолет незнакомца, ножницы по металлу и телефон. Проверяет его карманы.

Из спальни в пижаме выходит Эмма, не видит лежащего на полу мужчины:

– Что за шум?

– Не включайте свет. У нас гость. Сейчас я разберусь с ним.

Эмма увидела лежащего мужчину и роющего у него в карманах Генри:

– Боже. Кто это? Откуда он?

– Пока не знаю. Он проник в квартиру. Вероятно, хотел похитить что-то. Или убить вас.

– Меня? За что, почему?

– Спокойно. Теперь он не сможет причинить вам вреда. Включил фонарик, разглядывает документы мужчины: – На пистолет разрешения нет. Вот ваша фотография.

Плохо. Значит имеется на вас заказ. Очень плохо. Боюсь, что одной неделей мы не обойдемся.

– Что это значит? Что такое – заказ?

– Это значит, что за ваше убийство обещают энную сумму. Как правило, находятся желающие заработать эти деньги. Если не смог этот, найдется другой. Нужно срочно уезжать. Но я хочу понять, кому вы так сильно насолили, что он жаждет расправиться с вами?

Эмма показывает на лежащего мужчину:

– А он... жив?

– Ничего с ним не будет. Вынесу его на улицу, на холоде придет в себя минут через десять-пятнадцать. Нам нужно быстрее уходить, но перед этим у меня несколько вопросов. Где вы работаете?

– Я журналист, фрилансер. Иногда работаю по заданию редакции «Нюрнбергер Нахрихтен». Занимаюсь вопросами экономики.

– Над чем работали в последнее время?

– Сейчас я занимаюсь делами одного концерна.

– Чем он интересен? У него есть проблемы? Или вы раскопали что-то в его деятельности?

– Да, я получила надежные сведения, что концерн незаконно продает оружие на Ближний Восток.

– Не могла ли служба безопасности концерна получить информацию о ваших исследованиях?

– Я не знаю. Материалы находятся только в моих руках. Я не представляю, как они могли попасть к кому-то.

– Может быть, кто-то из источников вашей информации проболтался о вашем интересе к этой теме. Да, а в редакции уже знают об этой вашей работе?

– В редакции ничего не знают. Я хочу выпустить материал в виде одной или нескольких статей. Для меня это очень важно. Об источниках не могу с уверенностью сказать. У меня их два. Я видела этих людей недавно, в их поведении нет ничего необычного.

– Ладно, пока все. Подождите меня здесь и заканчивайте собирать чемодан. Минут через пять-семь я вернусь, и мы уйдем отсюда.

Положил в бумажник все документы мужчины, кроме фотографии Эммы, сунул бумажник ему в карман. Надел перчатки, протер ножницы. Поднял мужчину и вынес его на лестничную площадку.

Вывел, как пьяного, из проезда во двор на улицу. Оглядывается: машины, в которой раньше сидел наблюдатель, нет. Отводит мужчину на противоположную сторону улицы и прилоняет к стене дома. Возвращается.

В гостиной Эмма ждет Генри. Уже собрана, в руках чемодан.

Генри входит с лестничной клетки. Молча кладет в карман пистолет и телефон мужчины, забирает свой кейс с ноутбуком. Оба выходят, щелкает закрываемая на ключ дверь.

Во дворе Генри спрашивает Эмму:

– Где ваша машина?

– На площади.

– Хорошо. Берите машину и езжайте в свой загородный дом. Я еду следом. Посмотрю, не будет ли за вами хвоста.

Через несколько минут они едут по почти пустой улице. Генри следит за машиной Эммы, держась от нее на почтительном расстоянии. Но ничего подозрительного не замечает. Изредка навстречу проезжают машины.

Неожиданно звонит изъятый у незнакомца телефон. Генри включает связь, недовольным голосом кто-то спрашивает:

– Ганс, почему не докладываешь? Сделал дело?

Генри, изменив голос:

– Да, все в порядке. Она больше не будет мешать.

– Нашел ее ноутбук? И что у тебя с голосом?

– Простыл немного. Ноутбук со мной. Куда его?

– Тебе сто раз объяснять? К заказчику, на Визенштрассе. Утром сразу отвезешь. Все понятно?

– Да.

Вынимает из телефона батарейку, смотрит внутри. Находит маячок, выламывает его и выбрасывает. Батарейку и телефон раздельно засовывает в бардачок.

Машины некоторое время продолжают движение по городу. Затем выехали на шоссе 14. Городские дома быстро закончились, вдоль дороги тянутся рощи и поля. Генри поглядывает в зеркало заднего вида, но преследования за ними нет.

Сразу же за последними домами Берингерсдорфа Эмма сворачивает направо на местную дорогу, еще один поворот, и мелькает указатель с названием: улица Ам Айхенранген. Еще поворот – кажется, сейчас Эмма заедет в густой лес. Но неожиданно останавливается у неболь-

шого двухэтажного дома. Никакой ограды, обе машины въезжают на свободное пространство около входа в дом.

Эмма выходит из машины, машет рукой Генри:

– Приехали. Это тоже Берингерсдорф, самая любимая мною его часть.

Открывает двери дома и приглашает Генри.

Берингерсдорф

Вторник

3:00. 10 ноября 2015 г., вторник.

Гостиная дома на первом этаже.

Генри осматривает помещения первого этажа.

– Вам нужно отдохнуть, Эмма. А я пока осмотрю окрестности. Где кончается ваша территория?

– Моя земля по роще почти до Пегница. Это речка, она здесь подходит прямо к моим владениям.

– Ваше все до речки?

– Да, все, кроме охранной зоны у речки. Там нет ни забора, ни ограждений, но около Пегница уже не моя территория.

– А с других сторон тоже нет ограждений?

– У нас не принято устанавливать ограждения, все и так знают свои границы.

– Постараюсь их не нарушать. А вы все-таки отдохните. – Я не смогу сейчас уснуть. То, что произошло, – это просто кошмар.

Генри уходит во двор. Эмма начинает разбирать чемодан, уносит часть вещей на второй этаж.

Возвращается Генри:

– Где мне можно расположиться?

Эмма указывает ему гостевую комнату.

Генри переносит туда свой кейс:

– Я сейчас осмотрю все в доме.

Посмотрел на раскрытый чемодан Эммы:

– Вы не очень разбирайте чемодан. Боюсь, что нам отсюда придется скоро уезжать. Дом охранять тяжело: со всех сторон обзор закрыт деревьями. Сейчас листья опали, но у вас и ели подходят почти к самому дому. Хорошо, что единственный вход и на всех окнах ставни.

Поднимается по лестнице наверх.

Эмма, пока Генри находится на втором этаже, сидит неподвижно на стуле у стола, уставившись в одну точку. О чем-то думает или просто переживает происходящее.

Генри, спускаясь:

– Даже со второго этажа обзор плохой. Я сегодня пообщаюсь со своей фирмой, выясню ситуацию. Может быть, они что-то знают, если с ними связался ваш Джованни.

– Только не впутывайте в это Джованни. Уж он-то ни в чем не виноват.

– Но все же о вашей работе узнали в концерне. Я теперь в этом уверен. Где хранятся материалы?

– У меня в ноутбуке. Все тексты, записанные со слов моих информаторов, и черновики статей.

– Единственный экземпляр? Нет ли копии на диске или флэшке?

– Я не делала копии. Мне и в голову не приходило, что кто-то может попытаться помешать.

– Это несколько странно. Вы – журналист. Работаете, наверное, не первый год. Никогда не сталкивались с недружественным интересом к вашей работе?

– Раньше я работала в основном по заданиям газеты над официальными материалами земельного и федерального правительств. Такого рода исследование я затеяла сама впервые.

– Связан ли как-то со всем этим ваш друг Джованни? У него может быть интерес к вашей работе? Вы рассказывали ему о ней?

– Мы однажды говорили о моей работе. Я похвасталась, что у меня много информации о концерне и я готовлю статью. Но никакими деталями он не интересовался. Да и зачем это ему. У него сугубо гражданские интересы, его фирма к военным делам не имеет никакого отношения.

– Вы давно с ним знакомы? Как познакомились?

– Вы подозреваете его? Это невозможно. Он любит меня. Он просто не способен на нечестные дела.

– Понимаете, Эмма, я должен проверить любые, самые невероятные варианты. Не обязательно, что он сделал что-то плохое. Но он мог неосторожно сказать о ваших делах кому-нибудь, проговориться и не придать этому значения. Поэтому я должен знать все, чтобы понять, от чего, от кого и как вас охранять.

– Вам часто приходится это делать?

– Охранять? Нет, не часто. Но я работаю в смежной области. Неплохо знаю, как себя ведут всякие нехорошие люди. И, повторяю, я должен иметь обо всем детальное представление. У меня еще вопросы. Вы с Джованни часто встречаетесь? Где обычно? Всегда ли с вами ваш ноутбук, или вы оставляете его дома, когда уходите?

– Это все действительно вам нужно знать? Это же личное.

– Когда речь идет о жизни и смерти, стирается грань между личным и не личным.

Глаза округлились:

– О жизни и смерти? Какой ужас. Разве в наше время такое возможно? Или вы шутите?

– Еще как возможно. Вы свидетельница, у вас имеется информация о чем-то незаконном. Всего пару часов назад вас хотели убить. Поэтому ваш Джованни забеспокоился и готов платить деньги за обеспечение вашего спокойствия.

– Дайте мне собраться с мыслями. И не обвиняйте меня, пожалуйста. Джованни не может встречаться со мной на людях – он женат. Обычно мы встречаемся в этом домике.

Остановилась, глядит на Генри.

– И не подумаю обвинять вас. Какое у меня на это право? Это ваша личная жизнь. Но вы не ответили еще на один вопрос.

– О ноутбуке? Обычно я беру его с собой.

– А если не берете, где он остается? Да, я хочу понять, могли ли люди службы безопасности получить доступ к информации, проникнув в ваш ноутбук.

– Иногда я оставляла его дома, когда не предполагала работать в загородном домике.

– Вы ездили куда-нибудь за последний месяц?

– Нет, никуда. Только два раза сюда.

– И когда в последний раз?

– Полторы недели назад. Точно – десять дней назад.

– Извините за настойчивость, Эмма. Последний вопрос: когда вы последний раз разговаривали с Джованни?

– Два дня назад. Мне показалось, что за мной следят, и я рассказала об этом Джованни.

– После этого разговора он и заказал вам охрану. Теперь нужно понять, как мы ее организуем. «Нехорошим людям» могли заказать либо похищение вашей информации, желательно вместе с ноутбуком, либо ваше убийство. Мы этого не можем знать. Возможно, хотели только похитить ноутбук, и пистолет был только «на всякий случай». Но не исключено, что заказ более жесткий. Если задача также убрать вас, то могут это сделать в любом месте. Застрелить вас можно и в машине, и когда вы будете подходить к ней, и когда пойдете в редакцию.

– Ужасно. Вы нарочно страшаете меня, или все это серьезно? Но нападение ведь не удалось.

– Если есть заказ, повторить могут в любой момент. Я уже говорил это. Давайте рассчитывать на самый плохой вариант. На то, что заказали и ликвидировать вас, и забрать ноутбук. Советую вам все же отдохнуть, а я тем временем посмотрю, что можно найти в Интернете. И тоже вздремну.

Эмма уходит на второй этаж, в спальню. Генри включает свой ноутбук, устраивается за столом поудобнее.

9:30. Кабинет начальника службы безопасности концерна.

Начальник – мужчина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и сумрачным лицом – занят чтением документов. В дверь кабинета стучит и входит сотрудник:

– Шеф, этот чертов Ганс, которого нам рекомендовали, провалил все дело.

– Ты же мне докладывал полчаса назад, что все в порядке!

– Я основывался на звонке Гансу, шеф, но оказалось, говорил не он, а другой тип с его телефона – наплел, что все выполнено.

– Как к нему попал телефон этого идиота?

– Когда Ганс открыл дверь журналистки, его оглушил какой-то здоровяк, отобрал пистолет, телефон и фото журналистки. Дежурный звонил Гансу, а этот тип ответил за него, и мы были уверены, что все в порядке. Вы хотите лично поговорить с Гансом?

– С ума сошел? Этого мне еще не хватало. Известно, где сейчас журналистка?

– Пока не обнаружили. Я посылал проверить одного из наших – в квартире ее нет. Впечатление, что собиралась спешно.

– Брось несколько человек на ее поиски. Ищите любые зацепки. Проверьте ее знакомых и родственников. Используйте все связи в полиции. Узнайте все о ее кредитных карточках. Нужно найти ее сегодня же – неизвестно, когда она выплеснет всю свою грязь на концерн. Да, еще прижмите этого макаронника, ее приятеля. Возможно, она будет ему звонить.

11:00. Дом Эммы, гостиная на первом этаже.

Генри все еще сидит за ноутбуком. Сверху спускается Эмма:

– Что-то удалось найти?

– Да, выяснил, где находится служба безопасности концерна. Адрес совпадает с тем, что мне назвали по телефону. Нашел фамилию начальника службы – Хартманн. Узнал кое-что о его послужном списке. Тяжелый человек, очень настойчивый. Немного узнал о вашем Джованни. Джованни Марчиано. Судя по фамилии – из Умбрии. Дом в весьма дорогом районе. Скажу сразу, ничего хорошего я о нем не нашел. Как это вы с ним сошлись – непонятно. Кстати, вы были у него дома хоть раз?

– Неправда. Он очень приличный человек. Ведет себя достойно. И не только по отношению ко мне – ни разу не говорил о своей жене гадости. Дома у него не была. Что мне там делать?

– Думайте как хотите. Но я нашел про него пару не очень приятных историй. Странная история с женитьбой. Вернее, не странная, а некрасивая. Вроде он женился не по любви, а по расчету. И детей у них нет. По-моему, он расчетливый, но слабый человек. Если на вас вышли через него, он быстро сдаст вас. Кстати, я сегодня устрою проверку ему.

– Как это? Для чего?

– Обстоятельства изменились. Речь не идет о ревнивом бывшем приятеле. Здесь пахнет убийством. А он заплатил только за то, чтобы оградить вас от неприятной слежки.

– Вот вы о чем? Не вмешивайте его. Я сама доплачу, вы только скажите.

– Это не только деньги. Это проверка на вшивость. Проверка, насколько вы не безразличны ему.

– Но я не хочу никаких проверок.

– Это уже не зависит от вас. Я рядом с вами, так что речь идет и моей безопасности.

– Струсили? Так прямо и скажите.

– Вы, Эмма, кажется, до сих пор не поняли ситуацию. Вы вторглись в интересы могущественного концерна. Думаете, там отнесутся к этому равнодушно и не примут никаких мер? Нет. И я очень опасаюсь и за вас, и за себя. Посидите и не мешайте мне.

Набирает на клавиатуре адрес. Через минуту говорит: – Передайте заказчику, что обстоятельства изменились.

Речь теперь идет об охране от крайних мер. Данные проверены. Уже была одна попытка. Считаю, что цена за неделю должна быть поднята минимум в два раза. Все.

Эмме:

– Подождем ответа. А пока давайте посмотрим, что мы можем найти на обед.

– Если Джованни откажется, я доплачу. Сколько это?

– Так не положено. Платит заказчик. Он пока заплатил двадцать тысяч.

– У меня нет столько в банке, но я возьму у моего дяди. Я заплачу. А вот для обеда здесь у меня ничего не найдем. Может быть, пообедаем где-нибудь в кафе? Это не будет опасно?

– Думаю, что о вашем домике пока не узнали. До вечера мы в безопасности. А куда вы думаете поехать? Я предпочел бы поесть солидно. Неизвестно, когда мы еще будем иметь такую возможность.

– Тут менее чем в двух километрах есть греческий ресторанчик – «Таверна Элия». Там неплохо готовят мясо.

– Поехали. Только по-быстрому. Нам нужно скорее вернуться.

12:00. «Таверна Элия».

За отдельным столиком у окна сидят Генри и Эмма. Стены отделаны плиточным камнем. Или это имитация под камень? Вроде нет. В камине пылает настоящий огонь. С каминной доски свесил ноги гномик. Рядом с камином большая корзина с поленьями. Настоящая германская идиллия.

Генри осматривается, недоумевая спрашивает подошедшего хозяина:

– Почему так названа таверна?

– Раньше она называлась «Bienenstoecklein». Но мы купили это заведение и решили изменить название – в честь моей жены.

– У вас очень уютно.

Хозяин улыбается, кивает на Эмму:

– Вашей подруге всегда у нас нравилось.

– Да, здесь в Швайге, на мой взгляд, это самое приятное заведение.

Генри, удивленно:

– В Швайге?

– Это название района. Весь этот район Нюрнберга так называется.

Официант принес заказ. Генри и Эмма замолчали, приступили к обеду. Хозяин удалился внутрь таверны.

14:00. Гостиная в доме Эммы.

Эмма очень напряжена, ходит по гостиной:

– Генри, почему мы ничего не предпринимаем?

Генри сидит у окна, поглядывая время от времени на асфальтированную дорогу, ведущую к дому:

– Эмма, займитесь вашей статьей. Никакие размышления сейчас нам не помогут. Бандиты появятся только ближе к вечеру.

Эмма разворачивает свой ноутбук, но не может сосредоточиться. В это время звонит телефон Генри, знакомый ему голос говорит:

– Генри, заказчик отказывается менять условия. Утверждает, что объекту ничего серьезного не угрожает. Твое мнение?

– Понятно. Буду действовать по обстановке. Спасибо. Пока.

Эмма, удивленно и насторожено: – Что значит – «по обстановке»?

– Пока ничего не меняется. Посмотрим. Если ситуация разовьется в худшую сторону, я поговорю с Джованни на своем языке.

Эмма хотела что-то сказать, но промолчала. Снова пытается сосредоточиться над своими материалами. Генри прошелся по второму этажу, закрыл все ставни.

20:00. Там же.

Неожиданно Генри говорит:

– Эмма, идите на второй этаж. Ни в коем случае не спускайтесь.

Выключает свет в гостиной. Эмма, встревожено:

– Вы что-то видите?

– Сейчас не до разговоров. Идите. И не включайте на втором этаже свет.

Генри чуть приоткрыл окно и ставню. Ему видно, что две фигуры медленно приближаются к дому со стороны улицы Ам Айхенранген.

Берет из шкафа книгу. На ствол пистолета, добытого прошлой ночью, навинтил глушитель. Стоит, прислонившись к стенке, наблюдая за приближением нападающих.

Фигуры разделились. Один тип идет прямо к дому, другой перемещается вправо, за ближайшими ели.

Генри выдвигает левой рукой из окна книгу. У первого парня не выдерживают нервы – вскидывает пистолет и стреляет в сторону книги. Генри выпускает книгу из рук, она падает на землю. Одновременно стреляет парню в правое плечо. Он вскрикивает, роняет свой пистолет с глушителем. Хватается за плечо и отбегает назад, оставляя потерянный пистолет.

Генри стреляет в сторону второго типа, не успевшего спрятаться за ель. Стараются не попасть в него. Тот инстинктивно отпрыгивает в сторону. Обернулся, увидел убегающего первого парня и перебежками тоже уходит за деревья.

Тишина. Генри вглядывается в сгущающуюся ночь. Видно, что первый бандит уже добежал до улицы Ам Айхенранген и скрылся за углом. Вдали из-за деревьев выскочил еще один и также исчез за углом улицы.

Эмма выглядывает, стоя на самом верху лестницы:

– Генри, что происходит. Вы стреляли?

– Что я вам сказал? Не высовывайтесь. Мне еще не хватало, чтобы вас подстрелили.

– Я не буду. То есть, я не высовываюсь, но мне страшно.

– А искать компромат на концерн не было страшно? Впрочем, кажется, на сегодня все закончилось. Я выйду. Если у меня будут проблемы – закройте дверь.

– Может быть, подождать до утра?

– До утра мы не можем ждать. Стрельба была с глушителями, но здесь так тихо, что кто-то из соседей мог слышать. Или увидеть в окно. Наверняка позвонят в полицию. Не хочется утром с ней встречаться.

Осторожно вышел на улицу. Никого нет. Поднимает простреленную книгу и пистолет. Оглядывается по сторонам – тишина. Возвращается в дом.

– Собирайтесь. Уезжаем рано утром. А сейчас спать.

– Куда?

– По дороге разберемся. Привыкайте. Боюсь, нам долго придется убежать.

– Поедем на обеих машинах?

– Нет, ваша останется здесь. Она хорошо известна бандитам. Мою тоже придется сменить. Возможно, ее номер заметил кто-нибудь из этой парочки. Утром поедem ко мне в отель, я сдам номер. Потом уедem в Лейпциг. Там я сменю машину, и поедem дальше. Есть у меня место, где мы не будем выделяться.

– Что мне брать с собой?

– Только чемодан, с которым вы приехали сюда.

– Но мы уезжаем надолго?

– Не знаю. Пока дней на пять-шесть. А сейчас, повторю, спать. Вы наверху, я устроюсь здесь.

Нордхаузен

Среда

7:30. 11 ноября 2015 г., среда. Гостиная дома Эммы.

Генри, озабочено:

– У вас все собрано? Завтракать нет времени. Сюда мы вернемся не скоро.

– Да, я готова.

Нюрнберг, оживленная улица.

Генри останавливает машину у продовольственного магазина:

– Выходите, купите что-нибудь поесть. Деньги есть? Карточку не используйте. Я подъеду через полчаса.

– Деньги есть, а что купить? Может быть, я поеду с вами? Почему вы хотите оставить меня здесь одну?

– Купите что-то для завтрака и воду. Я вас не оставляю. Вы заметная, не хочу, чтобы вас запомнили в отеле. За нами никто не следил – я проверял. Заберу вас через полчаса, только сдам номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.